

ЛЕОНИД ЮЗЕФОВИЧ

КОСТЮМ АРЛЕКИНА

Мне кажется, — выговорил
наконец Шувалов, —
что слухи о смерти
фон Аренсберга начали
распространяться
еще *до того*, как он был убит.

Сыщик Путилин

Леонид Юзефович
Костюм Арлекина

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Юзефович Л. А.

Костюм Арлекина / Л. А. Юзефович — «Издательство АСТ»,
2008 — (Сыщик Путилин)

ISBN 978-5-17-149079-9

Санкт-Петербург, конец XIX века. При загадочных обстоятельствах убит австрийский военный атташе, князь Людвиг фон Аренсберг. Дело расследует сыщик Путилин — и у него нет права на ошибку: промедление грозит не только дипломатическим скандалом, но и войной с Австро-Венгрией и Турцией... Под подозрением — любовница князя и ее обманутый муж, фанатики из «Славянского комитета» и русский офицер-патриот, болгарский студент, устроивший провокацию ради обострения на Балканах, шеф жандармов, начальник Третьего отделения граф Шувалов и даже сам австрийский посол, граф Хотек. ...А по Петербургу тем временем ползут зловещие слухи: оказывается, об убийстве высокопоставленного дипломата судачили в кабаках еще накануне. В книгу также вошла статья Леонида Юзефовича о реальном прототипе своего героя — начальнике сыскной полиции Иване Дмитриевиче Путилине, «выдающемся детективе, знавшим преступный мир Санкт-Петербурга как никто ни до, ни после него».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149079-9

© Юзефович Л. А., 2008
© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Леонид Юзефович Костюм Арлекина

© Юзефович Л.А.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Пролог

Легендарный начальник столичной сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин был родом из Нового Оскола, утопающего в садах уездного городка на юге Курской губернии. Прожив почти полвека в Петербурге, он сохранил мягкие манеры и выговор южанина, произносил «ахенты» вместо «агенты», любил вареники с вишнями, к старости всё чаще видел во сне меловые скалы над Осколом, после чего всякий раз просыпался в слезах, но на родину его никогда не тянуло. Природа севера была ему милее.

Выйдя по болезни в отставку, весной 1893 года он оставил свою городскую квартиру сыну и обосновался в счастливо купленном когда-то старом помещичьем доме с верандой и яблоневым садом на высоком берегу Волхова. До ближайшей железнодорожной станции отсюда было четыре версты, зато с речного обрыва открывался такой вид, что от красоты и простора щемило сердце. Здесь, на сельском кладбище, лежала жена Ивана Дмитриевича, здесь он безвыездно прожил до самой смерти. Судьба отпустила ему еще пять с половиной месяцев.

Вскоре после переезда Иван Дмитриевич писал сыну: «У меня созрела мысль разработать и издать в виде записок накопившийся в продолжение моей служебной деятельности любопытнейший материал, который мог бы составить что-то вроде уголовной хроники нашей северной столицы за последние тридцать лет. Не попытаешься ли ты заинтересовать этим проектом какого-нибудь солидного издателя?»

Под словом «солидный» подразумевался тот, кто в состоянии хорошо заплатить. Будучи небогатым человеком, Иван Дмитриевич понимал, что для него это единственный способ заработать хоть какие-то деньги.

Само собой, мемуары великого сыщика могли стать ходким товаром. Издатель нашелся быстро, и не один. Иван Дмитриевич выбрал самого щедрого, взял аванс и с увлечением засел за работу. Он привел в порядок свой архив, завел картотеку, составил детальный план будущих записок, придумал названия глав и подобрал к ним эпитафии, затем дело как-то застопорилось. Всё, казалось, было продумано до мелочей, но по мере того как усложнялся этот план, включая в себя новые пункты и подпункты с римскими или арабскими цифрами, всё бледнее становились картины прошлого, поначалу ослепительно яркие. Однажды утром Иван Дмитриевич с грустью осознал, что чем подробнее план, тем труднее претворить его в нечто большее. Он попробовал писать совсем без плана, но и тут успеха не добился. Не помогали ни кофе, ни крепкий чай. Наконец кто-то из знакомых, кому он жаловался в письмах, рекомендовал в помощники столичного литератора Сафронова, автора двух повестей в «Русском вестнике». Заочно сошлись на том, что за свой труд он получит треть обещанного издателем гонорара, и в августе Иван Дмитриевич встретил гостя на станции в четырех верстах от дома. Это был изящный рыжеватый блондин лет под сорок, вежливый и аккуратный. Его багаж уложили на подводу, сами пошли пешком. Погода стояла райская, на небе ни облачка.

– Красота какая! – восхитился Сафронов.

– Да, места у нас чудесные, – с гордостью ответил Иван Дмитриевич.

Шли полями, вдали уже видна была сверкающая на солнце река. Сафронов сосал травинку.

– Сколько, – спросил он, деловито шурясь, – нам понадобится времени?

– На что? – не понял Иван Дмитриевич.

– На всё про всё. Как долго я у вас проживу?

– Если ежедневно я стану рассказывать по одной истории, то, думаю, около месяца.

– По две-то не выйдет?

– Есть такие, что можно и по две, но немного. Так что рассчитывайте на месяц.

– Я думал, за неделю управимся.

– Зато отдохнете на свежем воздухе. За грибами пойдем, на рыбалку можно съездить.

– А как вы собираетесь организовать наш рабочий день?

– Вы спите после обеда? – в свою очередь поинтересовался Иван Дмитриевич.

– Нет. У меня нет такой привычки.

– У меня тоже. Значит, прямо сегодня и приступим. Я буду говорить, вы – записывать. Всё очень просто. Для скорости советую пользоваться карандашом, причем не граненым, а круглым. Не то мозоль на пальце обеспечена.

– Не всё так просто, как вам кажется. Мне придется изрядно попотеть, чтобы изменить мой стиль до полной неузнаваемости.

– Это еще зачем?

– У меня есть свой читатель, – объяснил Сафронов, – и он сразу смекнет, чьей рукой написаны ваши мемуары.

Обедали на веранде. Здесь же Иван Дмитриевич сам сварил на спиртовке кофе и разлил его по чашкам. Затем, вручив Сафронову план своих записок, он предложил:

– Выбирайте, что понравится. С этого и начнем.

Сафронов прочел заголовки первых трех глав: «Зверское убийство на Рузовской улице», «Кровавое преступление в Орловском переулке» и «Смерть на Литейном».

– Несколько однообразно, – заметил он, проглядев список до конца.

Дальше менялись лишь названия улиц и варьировались эпитеты: одно убийство именовалось «кошмарным», другое – «страшным» и так далее.

– Увы! – развел руками Иван Дмитриевич.

Сафронов пригубил кофе и, возвращаясь к началу реестра, спросил:

– На Рузовской кого убили?

– Прачку Григорьеву.

– А в Орловском переулке?

– Дворника. Фамилия – Клушин.

– Нет ли кого-нибудь починовнее?

– Есть, разумеется. «Смерть на Литейном» – это про барона Фридерикса из Департамента государственных имуществ.

– Его зарезали или застрелили?

– Ни то и ни другое. Орудием убийства послужили щипцы для колки сахара.

– Раскаленные?

– С чего вы взяли?

– Я так понял, что его пытали с помощью этих щипцов и он умер под пыткой.

– Бог с вами! Стукнули сзади по темени, и готово. Старинные бронзовые щипцы, весят, наверное, фунта полтора.

Сафронов слегка поморщился:

– А так, чтобы кинжалом или из револьвера? Таковые имеются?

– Да, но тут уж одно из двух: или пистолет и дворник, или барон и щипцы. Это я, – пояснил Иван Дмитриевич, – типизирую и обобщаю. Вместо барона может быть полковник, вместо щипцов – что угодно. Вот, например, – указал он в середину списка, на главу «Загадочное преступление в Миллионной улице», – есть даже один князь, которого задушили подушками.

– Князь? – оживился Сафронов.

– Да, князь фон Аренсберг, австрийский военный атташе в Петербурге. Точнее – военный агент, как говорили в то время.

– В какое время?

– В 1871 году.

– Кто же его убил?

– Ну, если я так сразу и скажу, вам неинтересно будет слушать. Хотя...

Иван Дмитриевич вышел с веранды в комнату. Через минуту он вернулся, держа в руке исписанный лист бумаги.

– Тут у меня два эпиграфа к этой главе. Они создадут определенный настрой и, возможно, кое-что вам подскажут.

– Почему их два?

– История такова, что одного недостаточно. Во всяком случае, я такого подобрать не сумел.

«Здесь, – начал читать Сафронов, догадываясь, что речь идет о какой-то английской книжной лавке, – еще продаются по шесть пенсов за штуку “Золотой сонник” и “Норвудский прорицатель” с изображенной на обложке молодой женщиной, возлежащей на диване в столь неудобной позе, что становится понятно, почему ей одновременно снятся пожар, кораблекрушение, землетрясение, скелет, церковные врата, молния, похороны и молодой человек в ярко-синем сюртуке и панталонах канареечного цвета».

Ниже указывался автор, из которого это было почерпнуто: Чарльз Диккенс.

Второй эпиграф был гораздо короче и уместился всего в одну строку:

«Пришел посол нем, принес грамоту неписану».

– Что это? Откуда? – спросил Сафронов, не обнаружив указания на источник.

– Древняя русская загадка, автор неизвестен.

– А разгадка?

– Имеется в виду голубь, принесший Ною в ковчег оливковую, кажется, веточку в клюве.

– Полагаете, этого мне хватит, чтобы самому всё понять?

– Не знаю. Зависит от вашей проницательности.

– Ладно, – решил Сафронов, – рассказывайте. Начнем с этого князя.

Из стоявшего на столе стакана с карандашами он, манкируя советом Ивана Дмитриевича, вытянул граненый, очинённый как для смертоубийства, и торжественно раскрыл одну из привезенных с собой толстых тетрадей в зеленой дерматиновой обложке.

В доме с верандой и яблоневым садом Сафронов прожил до середины сентября, потом, вернувшись в Петербург, где то и дело приходилось отвлекаться на газетную поденщину, еще несколько месяцев обрабатывал свои записи. Лишь следующей весной книга вышла в свет под названием «Сорок лет среди убийц и грабителей», но сам Иван Дмитриевич так и не успел поддержать ее в руках. В ноябре 1893 года он в две недели сгорел от инфлюэнцы, осложненной отеком легких. Похоронили его рядом с женой. Деньги от издателя получил Путилин-младший, он же честно выплатил Сафронову обещанную долю.

При жизни Иван Дмитриевич был фигурой загадочной: никому из газетных репортеров ни разу не удалось взять у него интервью. Свое дело он предпочитал делать молча. О нем ходило множество легенд, где он являлся то полицейским Дон Кихотом, то русским Лекоком, то фантастически метким стрелком из пистолета, силачом, гнущим подковы, тайным раскольником, или крещеным евреем, или раскаявшимся душегубом, который носит на теле какие-то уличающие его знаки, – но после того, как вышла и выдержала ряд изданий написанная Сафроновым книга, перед публикой предстал обыкновенный господин с пышными бакенбардами, в меру честный, в меру хитрый, в меру образованный. Постепенно легенды о нем начали забываться, печатное слово оказалось сильнее. Тайна исчезла, потух ореол, окружавший имя Ивана Дмитриевича, а отсюда оставался уже один шаг до полного забвения.

Оно и не заставило себя долго ждать.

Трудно судить, Сафронов тут виноват или просто время потребовало иных героев, но в именном указателе столетия фамилия Путилина не значится. Между тем ее следует внести туда хотя бы в связи с делом об убийстве князя фон Аренсберга. Драма, разыгравшаяся на Миллионной улице в ночь на 25 апреля 1871 года, грозила России настолько серьезными дипломатическими осложнениями, что они могли изменить ход истории. Сафронов, надо отдать долж-

ное его интуиции, сделал удачный выбор. Излагая события этой драмы, он, правда, в угоду невзыскательному читателю кое-где позволил себе отступить от подлинных фактов, кое-что присочинил, кое о чем умолчал, но одна из дошедших до нас тетрадей в зеленой дерматиновой обложке сохранила рассказ Ивана Дмитриевича во всей его первозданной прелести.

Глава 1

Габсбургский орел

1

В то утро Иван Дмитриевич, как обычно, читал за завтраком «Санкт-Петербургские ведомости». Это была единственная газета, которую он выписывал, потому что ее одну позволялось выписывать на дом за казенный счет. Жена очень гордилась этой привилегией, доступной, по ее мнению, лишь избранным.

Трехлетний Ванечка уже проснулся и возил по полу ярко раскрашенную игрушечную бабочку на длинной палке. Под брюшком у бабочки находилось колесико, при движении ей надлежало поднимать и опускать жестяные крылья, но поднималось и опускалось только одно. Второе висело неподвижно.

– Починил бы, – сказала жена. – Там всего-то один гвоздик вбить.

– Починю, починю, – заученно ответил Иван Дмитриевич.

– Когда?

– Вечером.

– Вторую неделю обещаешь, а ребенку вредно играть с уродцами. Плохо влияет на нервную систему, я это по себе знаю. В детстве у меня почти все куклы были с оторванной ручкой или ножкой.

– Странно. Вы ведь вроде не бедствовали.

– Не в том дело. Впоследствии выяснилось, что мать сама их потихоньку калечила.

– Твоя мать?

– Да, у нее была масса идей по части воспитания, главным образом нравственного. Она хотела, чтобы я училась любить моих кукол даже изувеченными и тем самым развивала бы в себе чувство сострадания. И что из этого вышло?

– Что? – снова погружаясь в газету, осведомился Иван Дмитриевич.

– Забыл, какая я была нервная, когда мы с тобой поженились? Чуть что, в слезы. Просто комок нервов.

Как понял Иван Дмитриевич, сыну предстояло повторить ее скорбный путь, если второе крыло не будет починено.

– Сколько тебе сахару? – спросила жена, ставя перед ним стакан с чаем. – Два куска или три?

– Три.

– Спрашиваю еще раз: три или два?

– Два.

– Так и будешь, – взорвалась она, – как попугай, повторять мое последнее слово? С тобой невозможно разговаривать! Убери ты эту чертову газету! У тебя больной желудок, утром опять изо рта пахло. Хочешь окончательно испортить себе пищеварение?

Иван Дмитриевич отложил газету и посмотрел на часы. У него еще было в запасе минут пятнадцать.

Не притрагиваясь к чаю, он прошел в чулан, принес оттуда молоток и жестянку с гвоздями, взял у сына бабочку.

– Ты что, Ваня? – заволновалась жена. – Не собираешься пить мой чай?

То, что находилось в стакане, называлось у нее то ласково «мой чай», то – с ноткой педагогической стали в голосе – «твой чай», но на самом деле это был сотворенный по рецепту

какой-то соседки травяной отвар с небольшой долей настоящего черного чая, под который жена тоже вела подкуп, чтобы заменить его полезным для желудка зеленым.

– Время останется – выпью, – сказал Иван Дмитриевич, выбирая подходящий гвоздь. – Не останется – обойдусь без твоего чая.

– Убери молоток, – велела жена. – Нам с Ванечкой не нужны от тебя такие жертвы. Правда, сынок? Скажи папеньке, пусть он отдаст тебе бабочку и выпьет чай.

– Нет! – топнул ножкой Ванечка.

В этот момент позвонили у дверей.

Выходя в переднюю, Иван Дмитриевич думал увидеть там кого-нибудь из своих доверенных агентов, запросто забегавших к нему на квартиру в случае надобности, но увидел незнакомого молодого офицера в синей жандармской шинели.

– Ротмистр Певцов, – представился он. – Я от графа Шувалова, его сиятельство просит вас немедленно прибыть в Миллионную по чрезвычайно важному делу. Экипаж к вашим услугам, ждет внизу.

– А что случилось?

– На месте всё узнаете. Прошу вас поторопиться.

– Он еще чаю не пил, – басом сказала жена, появляясь из-за портьеры.

– Пожалуйста, господин Путилин, объясните вашей супруге, кто такой граф Шувалов.

– Это, дорогая, начальник Третьего отделения собственной Его Величества канцелярии и шеф Корпуса жандармов, – объяснил Иван Дмитриевич, понимая, впрочем, что влияние Петра Андреевича Шувалова выходит за рамки даже этих умопомрачительных должностей.

– Поймите, мадам, – сказал Певцов, – речь идет о деле государственной важности.

– Но и вы поймите: у моего мужа больной желудок, ему необходимо перед уходом выпить чаю. Это не простой чай, как вы, наверное, думаете. В заварку я добавляю зверобой, шиповник, немного ромашки...

– Ну хватит, хватит, – остановил ее Иван Дмитриевич и повернулся к Певцову: – Знаете, ротмистр, поезжайте-ка без меня. Я приеду сам.

– Позвольте поинтересоваться, скоро ли?

– Самое позднее через полчаса. Глотну чайку и отправлюсь.

Дело, разумеется, было не в чае и даже не в жене. Причина задержки была следующая: как начальник сыскной полиции, Иван Дмитриевич считал недопустимым для себя прибыть на место происшествия, не разузнав прежде, что именно там произошло.

Выпроводив Певцова, он допил свой чай, оделся, снял с вешалки котелок.

– Зонт не забудь, – напомнила жена.

– Ты глянь в окно! Зачем он мне?

– Еще только апрель, сейчас солнце, а к вечеру всё может перемениться. Неужели тебе трудно для моего спокойствия взять с собой зонт? Если бы речь шла о твоём спокойствии, я бы...

Это повторялось каждое утро, независимо от погоды, и сегодня Иван Дмитриевич решил проявить твердость.

– Отстань. Не возьму, – сказал он, поцелуем смягчая резкость тона.

Жена тут же сдалась и спросила:

– Кучера звать?

– Не стоит. Доберусь на извозчике.

– Всегда так. Лошадей жалеешь, а себя не жалеешь, – сказала она, поправляя на муже галстук.

Иван Дмитриевич еще раз поцеловал ее и спустился на улицу. Сразу же с двух сторон к нему подлетели двое извозчиков. Став начальником сыскной полиции, Иван Дмитриевич по утрам всякий раз обнаруживал у подъезда кого-то из этой братии, почитавшей великим

счастьем заполучить в сeдоки самого Путилина. Денег с него не брали. Иван Дмитриевич уважал малую экономию и без зазрения совести ездил на дармовщину, но с одним исключением: неизменно платил тем «ванькам», которые состояли у него в агентах. С ними не позволял себе ничего лишнего.

Он был суеверен и уселся в пролетку к тому из двоих, кто догадался подкатить справа. План был таков: сначала заехать в Сыскное отделение, где наверняка обо всём доложат, а уж потом двигаться в Миллионную.

– Куда прикажете? – почтительно спросил извозчик.

– Сам-то не знаешь? – рассердился Иван Дмитриевич. – Надо было, гляжу, к товарищу твоему садиться, он бы спрашивать не стал.

– Я, Иван Дмитриевич, потому спросил, что, может, сегодня вам не как обычно, не на службу, – начал оправдываться извозчик. – Сыскное-то я, само собой, знаю.

– Почему это сегодня вдруг не на службу?

– Я думал, в Мильёнку. Там, говорят, австрияцкого посланника зарезали.

– Туда и вези, – распорядился Иван Дмитриевич. – Сам всё знаешь, а спрашиваешь.

2

На Миллионной, напротив казарм первого батальона Преображенского полка, возле зеленого двухэтажного особняка густо теснились дорогие экипажи, казенные кареты, ландо с вальяжными кучерами на козлах. Здесь проживал князь Людвиг фон Аренсберг, кавалерийский генерал, военный атташе Австро-Венгерской империи. Иван Дмитриевич имел несчастье познакомиться с ним прошлой осенью, когда у него сперли с парадного медный дверной молоток. Князь тогда устроил такой скандал, что вся столичная полиция с ног сбилась, разыскивая это сокровище. Месяца два держали под наблюдением все лавки, где торгуют старьем или металлическим ломом, но так и не нашли.

На задней стенке одной из карет блеснул массивный золотой орел австрийских Габсбургов, тоже о двух головах, но пером пожиже и с длинными голенастыми ногами. Это была посольская карета, Иван Дмитриевич ее хорошо знал. Она стояла дальше от подъезда, чем другие, и, значит, прибыла после них. Отсюда вытекало, что сам австрийский посол, граф Хотек, слава богу, жив, а убили хозяина особняка.

Чтобы вернее оценить масштабы события, Иван Дмитриевич прошелся вдоль строя экипажей. За каретой Хотека стояла простая черная коляска. Кучер был знаком, возил не кого-нибудь, а великого князя принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

Возле парадного дежурили двое в штатском. Они отгоняли зевак и просили прохожих перейти на другую сторону улицы, но Ивану Дмитриевичу не было сказано ни слова. Он направился к подъезду. Вдруг откуда-то сбоку вынырнул его доверенный агент Константинов и засеменил рядом, шепча:

– Я, Иван Дмитриевич, вас тут караулю, чтобы известны были, зачем званы...

– Сгинь, – велел Иван Дмитриевич. – Уже без тебя знаю.

Константинов сгинул.

Крыльцо, прихожая, вестибюль, коридор – пространство без форм, без красок. Только запахи, от них никуда не денешься. Справа потянуло чем-то горелым. Ага, там кухня. Впрочем, даже такое невинное наблюдение пока было лишним. Иван Дмитриевич шел на приглушенный звук голосов, глядя прямо перед собой. Ничего не зная, по сторонам не глазеть – так надежнее. Сперва нужно выработать угол зрения, иначе подробности замутят взгляд. Главное – угол зрения. Лишь дилетант пялится на все четыре стороны, считая это своим достоинством.

С отвратительным скрипом отворилась дверь, Иван Дмитриевич вошел в гостиную. Там было светло от эполет, пестро от мундирного шитья. У окна стоял граф Хотек, уже успевший

нацепить на грудь траурную розетку. Принц Ольденбургский что-то говорил ему по-немецки, а посол кивал с таким видом, будто наперед знал всё, о чем скажет великий князь. Офицеры и чиновники скромно подпирали стены, мимо них прохаживались трое: герцог Мекленбург-Стрелицкий, министр юстиции граф Пален и градоначальник Трепов. Шувалова не было.

Иван Дмитриевич вошел бочком, осторожно, усилием воли пытаясь сделать свое грузное тело как можно более невесомым. Никто не обратил на него внимания. Он достал из кармана гребешок, причесался, привычно расчесал бакенбарды. К сорока годам они заметно поседели, седые волосы утратили прежнюю мягкость и торчали в стороны, нарушая общий контур. Баки требовали постоянного ухода, но сбрить их Иван Дмитриевич уже не мог. Толстые голые щеки потребовали бы иной мимики и, следовательно, иного тона отношений с начальством и подчиненными.

Причесываясь, он слышал, как граф Пален вполголоса говорит своим собеседникам:

– И что, спрашивается, они нам вечно в глаза тычут: Третий Рим, Третий Рим! Сами давно ли перестали называться Священной Римской империей? Ста лет не прошло! Мне историк Соловьев рассказывал, что двуглавого орла Иван Третий у греков для того и позаимствовал, чтобы не отстать от Габсбургов. Те просто раньше успели. Теперь же стоит нам обратиться в сторону Балкан, как вся венская пресса начинает вопить, что если мы взяли герб у Византии, то, значит, претендуем на византийское наследие.

В этот момент от группы жандармских офицеров, стоявших у противоположной стены, отделился Певцов. Сейчас Иван Дмитриевич разглядел его получше: высокий, гибкий, матово-смуглый, с глазами того неуловимого не то зеленого, не то серого, не то желтоватого оттенка, который странно меняется в зависимости от времени суток, освещения и цвета обоев на стенах.

– Ну как? – спросил он. – Знаете, зачем вас сюда пригласили?

В самом вопросе было спокойное сознание превосходства жандарма над полицейским чином, поэтому Иван Дмитриевич ответил соответственно:

– Вы, ротмистр, наивный человек.

– Почему?

– Вы решили утаить от меня то, о чем уже судачат извозчики.

Выражение скорбной деловитости, с каким Певцов готовился объявить о случившемся, легко съехало с его лица, он прошел в спальню, через минуту выглянул оттуда и пальцем пома- нил к себе Ивана Дмитриевича.

Слабое жужжание гостиной передвинулось за спину, сделалось почти неслышно. Прежде чем войти в спальню, Иван Дмитриевич позволил себе удовольствие оглянуться. Пять минут назад до него никому здесь не было дела, зато теперь все смотрели только на него. Лишь принц Ольденбургский и герцог Мекленбург-Стрелицкий уже вдвоем втолковывали что-то Хотеку, у которого был такой вид, словно он давно знал, что военный атташе его императора будет убит в Петербурге, и даже предупреждал об этом, но ему не поверили.

3

Князь Людвиг фон Аренсберг лежал на кровати лицом в потолок. На потемневшем, с выкаченными глазами лице, на кадыкастой шее видны были синеватые пятна, показывающие, что курносая со своей косой посетила его уже несколько часов назад. Черная, с благородной проседью эспаньолка взлохмачена, редкие волосы на темени слиплись от высохшего пота. Жутко торчат скрюченные в последнем напряжении, окостеневшие пальцы рук. Сами руки сложены на груди и связаны в запястьях витым шнуром от оконной портьеры. Правая, ближайшая к кровати портьера обвисла без этого шнура, стыдливо заслоняя мертвое тело от бьющего с улицы апрельского утреннего света.

– Доктор уже был, – предупреждая вопрос Ивана Дмитриевича, шепнул Певцов.

Стоя рядом с Шуваловым, едва кивнувшим ему при входе, Иван Дмитриевич разглядывал убитого. Ночная рубашка измята, испещрена кровавыми пятнышками. Один рукав оторван: им связаны ноги у щиколоток. Выше колен ноги князю стянули свернутой жгутом простыней, но и в таком положении он, похоже, продолжал сопротивляться. Это видно было по свисающей на пол перине, изжеванному углу одеяльного конверта, которым, видимо, ему заткнули рот.

– Господин Путилин, сколько вам понадобится времени, чтобы всё тут осмотреть? – поинтересовался Шувалов.

– Двух часов хватит, ваше сиятельство.

– Слишком долго.

– Могу уложиться в полтора.

– Тоже долго. Принц Ольденбургский, герцог Мекленбург-Стрелицкий и граф Хотек пожелали увидеть место преступления. Не могу же я заставить их дожидаться за дверью еще полтора часа.

– Если не будут ничего трогать, пускай войдут, – предложил Иван Дмитриевич. – Я не возражаю.

– Он не возражает! Скажите на милость! – возмутился Певцов. – Неужели вы не понимаете, что Хотеку нельзя показывать покойного в таком виде?

– Ни в коем случае, – поддержал его Шувалов.

– Тогда сколько же времени вы отводите в мое распоряжение? – спросил Иван Дмитриевич.

– Полчаса и ни минутой больше. Осмотр будете производить вместе с ротмистром Певцовым. Ему поручено вести расследование по линии Корпуса жандармов, так что вам придется работать вместе. И прошу вас, господа, помните: вы занимаетесь делом колоссальной важности! Сам государь повелел мне ежечасно докладывать ему новости по этому делу. Начинайте, сейчас я пришлю к вам камердинера, который обнаружил князя мертвым. По ходу осмотра он вам всё расскажет.

Едва Шувалов ушел, Певцов с облегчением плюхнулся в кресло.

– Для начала, – сказал он, – давайте распределим обязанности. Чтобы сократить путь, попробуем пройти его одновременно с двух противоположных концов.

– Как это?

– Вы от очевидных фактов двинетесь к вероятной причине убийства, а я пойду в обратном направлении: от вероятной причины – к фактам.

– И какова, по-вашему, причина?

– Не сомневаюсь, что убийство фон Аренсберга носит политический характер. Скажем, ситуация на Балканах может иметь к нему касательство.

Иван Дмитриевич опустился на четвереньки и заглянул под кровать. Пол был залит керосином из разбитой настольной лампы. Вообще кругом царил невообразимый хаос: туалетный столик опрокинут, одеяла и подушки раскиданы по спальне. Одна подушка испорчена, всё в пуху, битое стекло хрустит под ногами. Князь отчаянно боролся за свою жизнь.

– Времени у нас с вами немного, – продолжал Певцов, – в ближайшие часы Хотек телеграфирует в Вену, через пару дней тамошние газеты раструбят на всю Европу, что в России иностранных дипломатов режут как курей.

– Уж по крайней мере этого они писать не будут, – раздраженно ответил Иван Дмитриевич, развязывая узел на простыне, чтобы освободить ноги мертвеца.

– Плохо вы знаете этих писак, – усмехнулся Певцов. – Еще как будут!

– Про то, что у нас дипломатов режут, писать никто не станет. Можете не беспокоиться.

– Почему вы так уверены?

– Потому что князя не зарезали, а задушили.

Иван Дмитриевич осторожно перевалил тело со спины на живот и показал Певцову.

– Убедились? На нем ни царапины. Одни синяки.

– Откуда же кровь на рубашке?

– Это не его кровь. Он, видимо, укусил за руку одного из убийц.

– Думаете, их было много?

– Двое, не меньше. Князь – мужчина жилистый, видите, какие ручищи! В одиночку такого по рукам и ногам не свяжешь. Разве что...

Иван Дмитриевич умолк.

– Что? Говорите, – подбодрил его Певцов.

– Разве что в какой-то момент он внезапно узнал своего убийцу и лишился воли к сопротивлению.

– От страха?

– Не обязательно. Может быть, вспомнил свою вину перед этим человеком.

– Давайте без достоевщины, – вернул Певцов недавно услышанное от одной курсистки модное словечко. – Не забывайте, покойный был все-таки немец, а не буддист и не русский интеллигент. К тому же на чем основано ваше допущение? Почему сначала он своего убийцу не узнал и стал сопротивляться, а потом вдруг узнал?

– Потому что в спальне было темно, лампа не горела. Если бы она упала и разбилась при горящем фитиле, вспыхнул бы разлитый керосин...

Договорить Иван Дмитриевич не успел: явился присланный Шуваловым княжеский камердинер. Это был толстомордый рыжий парень с рыбьими глазами без ресниц.

– Ты первый обнаружил князя мертвым? – обратился к нему Певцов.

– Так точно, ваше благородие, я. Они, значит, когда ложились, утром наказали разбудить себя в половине девятого...

Камердинер приготовился к обстоятельному рассказу, но Иван Дмитриевич прервал его:

– Потом доскажешь. Ну-ка, взгляни хозяйским глазом, не пропало ли тут что-нибудь?

После совместного тщательного обыска Иван Дмитриевич вписал в блокнот перечень исчезнувших ценностей: «Револьвер (система не изв.), портсигар серебряный, монеты золотые французские (9-10 шт.)».

– Такие? – шепотом спросил Иван Дмитриевич, показывая камердинеру найденный под кроватью и утаенный от Певцова золотой кругляш с козлиным профилем Наполеона III, императора французов.

Попутно он вспомнил, что этот император был злейшим врагом Виктора Гюго, любимого писателя жены. Недавно она купила Ванечке плюшевую козу, которую назвала Эсмеральдой.

– Ага, – кивнул камердинер. – Если сбоку смотреть, они так друг на друга похожи, не отличишь.

– Кто на кого?

– Он, – повел глазами камердинер в сторону покойника, – и этот, на целковике.

– Наполеондор называется, – сказал Иван Дмитриевич.

– Что вы там шепчетесь? – завокнулся Певцов. – Какие у вас от меня секреты?

– Ничего-ничего, пустяки.

Иван Дмитриевич вернулся к туалетному столику, и пока он проверял содержимое ящичков, Певцов пенял камердинеру:

– Что же это у тебя, братец, в доме все двери скрипят? Здесь еще туда-сюда, а в гостиной прямо по-волчьи воют. Ленишься? Не смазываешь?

– Я то делаю, что велят, – оправдывался камердинер. – Насчет петель никакого недовольства не было.

– Иди, после потолкуем, – сказал ему Иван Дмитриевич и, дождавшись, когда он выйдет, повернулся к Певцову: – Между прочим, ротмистр, знавал я одного ростовщика, так этот сын иудейский строго-настрого запрещал слугам смазывать дверные петли.

– Воров боялся?

– Такие люди боятся не только воров.

Аналогия подействовала. Певцов сцепил руки у подбородка, задумался, а Иван Дмитриевич подлил масла в огонь:

– Помните, камердинер говорил, что князь держал револьвер в ящике туалетного столика возле кровати. Зачем? Военная привычка? Или всё же кого-то он боялся?

– Да-да, – покивал Певцов, – я сам об этом подумал.

– С другой стороны, – улыбнулся Иван Дмитриевич, играя им как кошка мышью, – похищен серебряный портсигар. Как вы намерены увязать пропажу с ситуацией на Балканах?

– Надо бы произвести обыск у этого Фигаро. Подозрительный малый...

– Господа, ваше время истекло, – заглядывая в спальню, объявил Шувалов. – Прошло тридцать пять минут!

Прежде чем выйти, Иван Дмитриевич еще раз окинул взглядом последнее ложе князя фон Аренсберга и опять отметил одно странное обстоятельство: убитый почему-то лежал на кровати ногами к изголовью.

Спальней завладел камердинер с двумя рядовыми жандармами, выделенными ему в помощники. Покойному подложили под голову подушку, предварительно развернув его на сто восемьдесят градусов, накрыли одеялом, опустили веки. Уже из гостиной Иван Дмитриевич услышал, как звякнула дужка ведра, шлепнулась на пол мокрая тряпка. Шувалов лично распорядился уборкой. Это был особенный, чисто российский демократизм, уравнивающий чины и сословия: всяк норовил заняться не своим делом.

Одно из окон гостиной располагалось в неглубокой полукруглой нише. Тут стояли граф Хотек с принцем Ольденбургским. Распространяя вокруг себя острый дух керосина, Иван Дмитриевич подошел к этому окну, отдернул штору. На подоконнике за ней обнаружилась пустая косушка и оплывший кусок масла на газете. Он взял капельку на палец, лизнул: чухонское.

– Что это? – по-русски изумленно спросил Хотек.

– Ваше сиятельство, – с поклоном ответил Иван Дмитриевич, – это данные, с которыми мне предстоит начать расследование.

Двое жандармов и камердинер с ведром пересекли гостиную в обратном направлении, после чего Шувалов радушным жестом хозяина, приглашающего гостей к накрытому столу, предложил собравшимся пройти в спальню. Принц Ольденбургский, герцог Мекленбург-Стрелицкий, Пален, Хотек и генерал-адъютант Трепов чинно приблизились к постели. Прочий мундирный люд столпился в дверях. Иван Дмитриевич подумал, что, если Шувалов решил сохранить в секрете это убийство, опрометчиво было скликать сюда столько народу. Хотя, наверное, всё это были люди надежные, умеющие держать язык за зубами.

– Какой ужас! – громко сказал принц Ольденбургский.

Все закивали, хотя истинный ужас неизвестности и ожидания остался в гостиной, а здесь, в прибранной и затененной комнате, глядя в лицо покойного, на котором камердинер успел припудрить синеватые пятна, все должны были испытать мгновенное облегчение. Смерть, слава богу, выглядела пристойно.

4

Через четверть часа, провожая австрийского посла к карете, Шувалов говорил:

– Было бы крайне нежелательно, чтобы Его Величество император Франц Иосиф, ваше Министерство иностранных дел и ваш Генеральный штаб узнали о преступлении раньше, чем мы найдем преступника. Уверяю вас, нам потребуется всего несколько часов.

Иван Дмитриевич случайно подслушал этот разговор, когда обследовал замок на парадном.

– Мой долг, – холодно отвечал Хотек, – немедленно телеграфировать обо всём в Вену. Подозреваю, что убийство совершил какой-нибудь фанатик из так называемого «Славянского комитета». В Москве, правда, эта публика более активна, чем в Петербурге, но и здесь ваша пресса переполнена их воплями о том, что мы якобы притесняем наших славянских подданных. Очевидно, эти господа почувствовали свою безнаказанность и решили перейти от слов к делу. Их цель – спровоцировать войну между нашими империями.

– Вы преувеличиваете, граф.

– Ничуть. Сегодня на мою жизнь тоже совершено покушение.

– Боже мой! Как?

– Утром, когда я проезжал мимо Сенного рынка, из-за забора кто-то пустил камнем в окно моей кареты. Вот такой камень, – показал Хотек. – Он пролетел буквально в дюйме от меня, возле самой головы. Есть свидетели. Боюсь, что смерть бедного Людвига – это только начало. Следующей жертвой могу стать я или кто-то из посольских секретарей. Например, барон Кобенцель.

– Я сейчас же отдам приказ об охране посольства, – сказал Шувалов.

– Благодарю.

– На выезде вас будет сопровождать казачий конвой.

– Смею надеяться, этими мерами вы не ограничитесь, – заметил Хотек.

С помощью лакея он с трудом забрался на подножку, немного передохнул, затем сложился в три погибели и задвинул свое журавлиное, по-старчески сухое тело внутрь кареты, откуда его тащил на себя другой лакей.

«Орел!» – подумал Иван Дмитриевич, глядя вслед отъезжающей карете.

Одновременно мелькнула мысль, что при успешном завершении дела можно получить не только русский, но и австрийский орден. Хорошо бы! Жена будет счастлива хвалиться перед соседками.

С этой приятной мыслью он продолжил осмотр княжеского особняка. Дом был двухэтажный, весь нижний этаж занимал князь, верхний пустовал. От прихожей и вестибюля начинались два коридора: один вел налево, в господские покои, второй – направо, в людскую половину и кухню. На ночь в доме оставался один лишь камердинер, имевший отдельную каморку. Остальные комнаты людской половины были закрыты: кучер и кухонный мужик жили на дворе, при конюшне, а берейтор и повар нанимали квартиры в городе. Все – мужчины. Князь был старый холостяк и женской прислуги не держал.

При допросе, на который всех этих людей по одному звали в гостиную, Иван Дмитриевич убедился в их невинности. Они не юлили, на вопросы отвечали спокойно и толково, подозрительно сильного горя никто не изображал, да и чутье подсказывало, что эта публика тут ни при чем. Певцов молча сидел на диване, слушал, не вмешиваясь. Видимо, начало пути он решил пройти вместе с напарником, а уж потом забежать в конец и двинуться ему навстречу.

Та половина жизни князя фон Аренсберга, вернее, треть или даже четверть жизни, которую он проводил дома, очертилась быстро. Князь был человек светский, семейными обязанностями не обремененный, как, впрочем, и служебными. Время от времени он посещал парады и стрельбы на Волковом поле, изредка бывал на маневрах, предпочитая кавалерийские, – вот и все его дела. Днем ездил с визитами, вечером часок-другой отдыхал у себя, а ночь проводил в гостях или в Яхт-клубе, за игрой. Возвращался обычно под утро. Иногда привозил женщин.

Накануне князь появился дома около восьми часов вечера, до десяти спал, затем отправился в Яхт-клуб. В таких случаях уезжал он всегда на своих лошадях, но без берейтора, а на обратную дорогу нанимал извозчика. Кучера сразу же отпускал. Вчера тот вернулся в начале двенадцатого, распряг лошадей и лег спать. Кухонный мужик, живший вместе с ним, к тому времени уже спал, берейтор и повар еще с вечера ушли к семьям. В доме находился один лишь камердинер.

Из Яхт-клуба князь возвратился в пятом часу утра, как обычно. Швейцара он не держал, ключ от парадного носил при себе. Камердинер помог ему раздеться, проверил, заперто ли парадное (было заперто), и лег в своей каморке. Ночью ни шума, ни криков не слышал.

– Пьяный был? – спросил Иван Дмитриевич.

– Господь с вами! В рот не брал.

– Да не ты. Барин.

– Чуток попахивало.

Оставшись наедине с Певцовым, Иван Дмитриевич изложил ему свои сомнения. С верхнего этажа на нижний попасть никак нельзя, это проверено. Замок на парадном не взломан, черный ход закрыт изнутри, в окнах все стёкла целы, и рамы тоже изнутри заперты на задвижки. Каким же образом убийцы проникли в дом?

– Как-нибудь ночью подкрались к парадной двери, натолкали в замочную скважину воску и по слепку сработали ключ. Всё просто, – пожал плечами Певцов. – Черный ход запирается на внутренний засов, а парадное – нет. Обратили внимание?

– Обратил.

– Они всё предусмотрели заранее. Пошлите ваших людей по слесарням, кто-то из мастеров может вспомнить заказчика... Чего тебе, Рукавишников? – спросил Певцов у стремительно вошедшего в гостиную жандармского унтер-офицера с шашкой на боку.

Тот протянул серебряный портсигар с вензелем фон Аренсберга и ткнул пальцем в стоявшего поодаль камердинера:

– При обыске у него в каморке нашли.

– Спер, шельма, под шумок, я же говорил! – возликовал Певцов. – Убийцы не за тем приходили.

Камердинер пустил слезу, начал каяться, причитая:

– Христом Богом клянусь, только его и взял! Больше ничего!

– Молчать! Чего нюни распустил? – прикрикнул на него Иван Дмитриевич. – Отвечай, крымза, для чего князь велел разбудить себя в половине девятого?

– Бес попутал! – рыдал камердинер. – Ничего не знаю!

Позвали кучера. Тот клятвенно заверил, что с утра подавать лошадей у него приказа не было.

– Выходит, князь кого-то ждал к себе, – заключил Певцов.

Это была, пожалуй, первая его мысль, с которой Иван Дмитриевич мог согласиться.

– Сегодня к половине девятого или к девяти он ожидал какого-то визитера, – повторил Певцов, считая, видимо, что его проникательность не вполне оценили. – Вам понятно? А сейчас, господин Путилин, я откланяюсь и начну действовать по своему плану.

Глава 2

Польский принц, болгарский студент, змей-искуситель и отрезанная голова

1

Вскоре после отъезда Певцова к Ивану Дмитриевичу в Миллионную явился породистый господин по фамилии Левицкий, немалоу числу своих знакомых известный под другой фамилией. С виду аристократ, в действительности он был выкрест и тайный агент Ивана Дмитриевича.

Когда-то давно, при первой встрече, Левицкий передал Ивану Дмитриевичу слова своего отца, сапожника из Лодзи: «Каждый еврей – сын короля». Одно тут не подтвердилось: Левицкий выдавал себя не за сына, разумеется, а за правнучатого племянника Станислава Августа Понятовского, последнего короля Речи Посполитой, окончившего свои дни в Петербурге в 1798 году. На этот счет у него имелись какие-то генеалогические бумаги, настолько, видимо, неопровержимые, что открывали перед ним двери Яхт-клуба. Там он играл в карты с цветом столичной аристократии, одновременно прислушиваясь к разговорам титулованных игроков за соседними столами и в буфетной, и, если случалось узнать что-либо небезынтересное для Ивана Дмитриевича, просто по дружбе сообщал ему. Тот, в свою очередь, тоже исключительно по дружбе, подбрасывал Левицкому денюжат из секретных фондов сыскной полиции, над которыми никакая ревизия была не властна.

Плохо то, что Левицкий был шулер. Вообще-то Иван Дмитриевич шулеров преследовал беспощадно, поскольку в юности сам от них пострадал, – но для Левицкого делал исключение. Бывая в Яхт-клубе, тот не мог не играть, а играя – не шулерствовать, так что приходилось на это смотреть сквозь пальцы. При этом ни малейшего намека на близость Иван Дмитриевич не допускал, особенно после того, как в минуту жизни трудную Левицкий напросился к нему в агенты на жалованье.

Тот, впрочем, частенько предпринимал попытки сократить дистанцию между собой и начальником: как бы невзначай сбивался на дружеский тон, в разговоре начинал крутить Ивану Дмитриевичу пуговицу на пиджаке, вдруг повадился заезжать к нему домой, когда его не было дома, пил чай с его женой и рассказывал ей светские новости. Словом, Левицкий надеялся из агента стать конфидентом. Всякий раз, получив от Ивана Дмитриевича щелчок по носу, он эту надежду не терял и лишь окрашивал ее в новые цвета. С его природным оптимизмом это ему было несложно.

Тут же, в гостиной, на обороте ресторанного счета Левицкий составил реестр дам, бывших в связи с фон Аренсбергом за последние два года. Реестр вышел довольно длинный, но нельзя сказать, чтобы он сильно порадовал Ивана Дмитриевича. Поскольку Левицкий основывался главным образом на случайных встречах с князем и его же мимолетных обмолвках, большинство дам он охарактеризовал таким образом, что разыскать их в огромном городе было едва ли возможно.

Например: блондинка, вдова, любит тарталетки с гусиной печенкой.

Или: рыжая еврейка, имеет той же масти пуделя по кличке Чука.

Или так: пухленькая, при ходьбе подпрыгивает (видел со спины). А то и вовсе написана совершеннейшая бестолковщина: «Была девицей». И всё!

– Ты что это мне тут понаписал! – разорался Иван Дмитриевич. – За что я тебе деньги-то плачу! А?

– А вот же, вот! – говорил Левицкий, тыча холеным ногтем в самый низ реестра.

Действительно, под номером девятым и последним значилась некая госпожа Стрекалова, жена чиновника Межевого департамента, имевшая даже адрес. Написано было: «Кирочная улица, дом неизвестен». Левицкий сказал, что князь познакомился с ней осенью, во время гуляния на Крестовском острове. Когда они вдвоем качались на качелях, а муж дожидался внизу, покойный назначил ей первое свидание. С тех пор если у него и были другие увлечения, то мимолетные.

– А эти? – Иван Дмитриевич прошелся пальцем по остальным номерам реестра.

– Так вы же сами велели – за два года, – сказал Левицкий.

Иван Дмитриевич прикинул, что с осени любовь и ревность хозяйки рыжего пуделя или охотницы до тарталеток с печенкой должны были утратить убойную силу, как пуля на излете, и все-таки для очистки совести решил поинтересоваться, кто из этих дам посещал княжескую спальню.

Левицкий резонно заметил, что князь, как дипломат и человек общества, очень пекся о своей репутации, к тому же и карьера его была далеко не закончена. То есть он мог изредка привезти к себе номер, скажем, третий, но лишь ночью и будучи в порядочном подпитии, когда забывается всякая осторожность, а вообще-то навещал своих пассий на дому.

Пригласили княжеского кучера, и тот сказал, что да, было дело под Полтавой, возил он барина в Кирочную улицу, в дом, где внизу зеленная лавка.

– Межевые чиновники часто отлучаются из Петербурга, – шепнул Левицкий.

Попутно выяснилось, что княжеский камердинер прежде служил там же, в Кирочной, и лишь месяц назад занял нынешнее место.

– До него Федор был, – сказал кучер. – Хороший лакей, беда – пить стал. Впьяне китайские чашки побил. Лучший фрак у барина во дворе развесил, чтоб ветерком продуло, и аккурат под вороньим гнездом... Да он вчера приходил, Федор-то, жалованье просил недоплаченное. Ну, барин ему тот фрак с чашками и припомнили. А как же! Нашему брату спускать нельзя...

Всё так, но Иван Дмитриевич еще утром обратил внимание, что чересчур прост княжеский камердинер. Не таковы бывают камердинеры у сиятельных особ, на портсигары не зарятся. Похоже, не случайно этот малый перекочевал с Кирочной в Миллионную. Ишь сокровище! Тут было над чем поразмыслить.

– Вот оно что делает, вино-то! – говорил кучер, объясняя, как найти дом, где живет теперь бывший княжеский лакей Федор.

К этому времени доверенный агент Константинов был уже впущен в дом и присутствовал при этом разговоре. Иван Дмитриевич посмотрел на него, затем перевел взгляд на Левицкого и приказал:

– Сходишь, приведешь его сюда.

Левицкий оскорбленно поджал губы при таком поручении. Пришлось его малость поучить: пускай морду-то не воротит, привыкает, а то наострился на казенные деньги с князьями в вист играть и больше никаких дел знать не хочет. Дудки-с!

Когда он ушел, Иван Дмитриевич с Константиновым отправились в кухню, подкрепились там холодной жареной свининой, которую приготовили князю на завтрак.

– Времени нет домой ехать, – обсасывая хрящик, сказал Иван Дмитриевич, – а то ни за какие деньги этого порося кушать бы не стал. Всё равно что за покойником штаны донашивать.

– И правда, – с набитым ртом поддакнул Константинов. – Последнее дело.

Он был калач тертый, понимал, что для теплоты отношений полезно иногда и возразить начальству, но перед новым патроном устоять не мог – всегда соглашался.

– И не жри тогда! – расшвырял Иван Дмитриевич. – Чего расселся? Ты вообще кем служишь-то? Козлом при конюшне? А ну, марш отсюда!

Константинов исчез, а Иван Дмитриевич заглянул в каморку камердинера. Тот понуро сидел на своем чемодане, со дна которого Рукавишников извлек серебряный портсигар.

– И взял, – вслух продолжил камердинер мучившую его мысль. – За апрель-то мне кто теперь жалованье заплатит?

– Заплатят, – пообещал Иван Дмитриевич. – Их величество Франц Иосиф, император австрийский, он же венгерский король, этого так не оставит. Скажи лучше, ты раньше у Стрекаловых служил?

– У их, – равнодушно кивнул камердинер.

– Это место тебе барыня нашла? Стрекалова?

– Она.

– И сама часто здесь бывала?

– Иной раз бывала.

– А зачем?

– Поди без меня знаете. Покойник был мужчина видный, у нее тоже самое главное, как у всех баб, – не поперек.

– Ладно. Ты когда сегодня утром на улицу побежал, парадное было открыто?

– Ага.

– А ключ?

– Изнутри торчал.

– Вечером, пока князь отдыхал, никого из гостей не было?

– Никого.

– А парадное?

– Если барин дома, они его не запирали. Только на ночь. Ключ в коридоре клали, на столике.

– погоди! Положим, ты здесь, у себя, а князь – в спальне. Как он тебя позовет?

– Там сонетка есть в изголовье. Шнурочек такой. А колокольчик – вон он.

– Сбегай-ка, – приказал Иван Дмитриевич. – Дерни.

Через минуту стальной язычок залиvisto затрепетал, ударяясь в медное небо. Звон был исправен.

– Что же это князь тебя ночью не позвал, когда его душить стали? – спросил Иван Дмитриевич, как только камердинер вернулся.

Тот сразу смекнул, в чем его могут обвинить, и взвыл дурным голосом:

– Не звонили они мне! Ей-богу, не звонили! Верите ли?

– Нет. Не верю, – сказал Иван Дмитриевич, хотя знал, что камердинер говорит правду. Портсигар взял, бестия, – а князя не трогал. И звонка не слышал, не мог слышать, потому что и не было его, звонка-то.

Всё это Иван Дмитриевич отлично понимал, однако еще раз повторил:

– Не верю.

Пускай, сукин сын, помучается, ему не вредно.

Итак, бедного князя нарочно перевернули ногами к изголовью, чтобы он не мог дотянуться до сонетки и позвать на помощь. Отсюда следовало, что кто-то из убийц раньше бывал в княжеской спальне – и знал, где расположена эта сонетка.

Картина постепенно прояснялась.

Убийцы вошли в дом между восемью и десятью часами вечера, когда фон Аренсберг отдыхал и наружная дверь была открыта. Сперва притаились в вестибюле – за вешалкой, может быть, а после того как князь уехал, перебрались в гостиную. Сидели с ногами на подоконнике, за шторой. Попивали водочку. Дождались, убили, взяли со столика ключ и ушли.

2

Какими сведениями руководствовался Певцов, чтобы из числа обучавшихся в Петербурге болгарских и сербских студентов отобрать троих, которые затем доставлены были в Миллионную, какие изучал секретные досье и картотеки, об этом Иван Дмитриевич так никогда и не узнал: жандармские тайны не имеют срока давности. Тут и доверенный агент Константинов был бессилён. А уж он-то знал всё, вплоть до того, по каким дням недели начальник департамента полиции спит со своей юной супругой. Для Ивана Дмитриевича это имело сугубо практическое значение. Накануне начальник бывал добр, как ангел, и подписывал любые бумаги, зато на следующее утро лучше было к нему не подступаться.

В гостиную Певцов предъявил студентов камердинеру, и тот сразу указал на худого, горбоносого, с печальным и рассеянным взглядом:

– Вот этот приходил третьего дня.

Остальным двоим разрешили уйти, а горбоносого задержали.

– Ваше имя? – спросил Певцов.

– Иван Боев. Студент Медико-хирургической академии.

– Болгарин?

Тот кивнул.

– Так вот, господин Боев, мне всё известно, – объявил Певцов таким тоном, что и ребенок бы понял: ничегошеньки-то ему не известно. – Князь ждал вас сегодня к половине девятого.

– К девяти, – простодушно поправил Боев.

– Почему не пришли?

– Проспал.

Иван Дмитриевич аж крякнул при таком ответе.

– Ну, брат, – не удержался он, – потому вы до сих пор под турком и сидите.

– Этими бы руками я султана задушил! – Боев растопырил свои тонкие, длинные, как у пианиста, пальцы и медленно, посапывая от напряжения, свел их в кулаки.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Певцов. – Покажите!

Он внимательно осмотрел руки болгарина, выискивая след укуса.

– Да, есть силенка.

И повел его к стоявшей у подъезда карете.

Больше не было сказано ни слова, а Иван Дмитриевич, раз на то пошло, не обмолвился ни про беседу с камердинером, ни про сундук. Между тем поговорить надо было, сундук того стоил. Не слишком большой, но прочный, с обитыми медью боками и крышкой, намертво привинченный к полу по всем четырем углам, он стоял в кабинете; князь хранил в нем свои бумаги. Осмотрев это вместилище военных и дипломатических тайн Австро-Венгерской империи, Иван Дмитриевич убедился, что сундук пытались открыть без ключа. Возможно, каминной кочергой – на ней обнаружили свежие царапины. Медь у краев крышки была помята, но ни на самом сундуке, ни поблизости пятен крови отыскать не удалось. Очевидно, его пробовали взломать еще до возвращения князя из Яхт-клуба.

Певцов с болгаринцем уехали, а на смену им прибыл Шувалов. Его сопровождал секретарь австрийского посольства с двумя лакеями, которые вытащили из кареты и пронесли в спальню какой-то длинный ящик. Иван Дмитриевич не сразу сообразил, что это гроб.

Секретарь деловито рассказывал Шувалову, что сегодня же гроб законопатят, зальют щели смолой, как в холеру, затем через особую дырочку отсосут изнутри воздух, чтобы замедлить тление, забьют дырочку пробкой и по железной дороге Петербург – Варшава – Вена отправят тело князя в родовое поместье.

Когда гроб вынесли, Шувалов приказал Ивану Дмитриевичу:

– Подайте чернильницу!

Он был прикован к своим ежечасным докладам государю, как раб к веслу галеры. Взмах, еще взмах. В промежутках не оставалось времени сообразить, куда движется судно.

Жирная клякса упала с пера на доклад и растеклась по государевой титулатуре.

– Черт! – Шувалов нервно скомкал бумагу и смахнул ее на пол.

Иван Дмитриевич прошел в кабинет фон Аренсберга, взял со стола другой лист и вернулся.

– Что вы мне даете? – рассердился Шувалов. – Разве можно подавать доклад государю на такой бумаге? Она пожелтела от старости!

– Долго на свету пролежала, ваше сиятельство.

– Так зачем вы ее мне принесли?

– Показать, что покойный не часто предавался письменным занятиям.

– Не занимайтесь пустяками, господин Путилин! Я и без вас знаю, что ни стихов, ни романов князь не сочинял. Поймите: если мы до завтра не схватим убийцу – такие головы полетят, что уж вам-то на своем месте точно не усидеть. Или вы снова хотите стать надзирателем на Сенном рынке?

Свою полицейскую карьеру Иван Дмитриевич начал с должности помощника квартального надзирателя на Сенном рынке, и сейчас угроза шефа жандармов не столько напугала, сколько щекотнула самолюбие. Лестно было, что сам всемогущий Шувалов посвящен в подробности его биографии.

– Я хотел бы осмотреть содержимое этого сундука, – сказал Иван Дмитриевич.

– Я тоже, – усмехнулся Шувалов. – Но нет ключа.

– А у камердинера спрашивали?

– Он не знает. Мы с Хотеком весь кабинет перерыли и не нашли.

Шувалов пошел к столу, взял из середины бумажной стопки свежий, не пожелтевший лист, опять обмакнул перо и опять выругался: вместе с чернильной капелькой на перо повисли останки утонувшей в чернильнице мухи. Иван Дмитриевич осторожно снял их двумя листиками, сорванными с лимонного дерева в кадке, и Шувалов начал писать: титулатура, несколько строк, в которых свободно уместились все немногочисленные новости. Иван Дмитриевич тем временем еще раз оглядел сундук. На передней стенке изображены были Адам и Ева. Еще безмятежные в своей наготе, они стояли по обе стороны древа познания Добра и Зла, между ними лежало в траве яблоко, обвитое чешуйчатым черным телом Змея-искусителя.

Иван Дмитриевич подумал, что тяга мужчины и женщины друг к другу есть лишь частный случай закона всемирного тяготения, и Ньютон никогда не открыл бы его, если бы на голову ему упало не яблоко, а, скажем, груша.

Он перевел взгляд на чернильный прибор – и ахнул: Господи, как же раньше-то не заметил! Чернильница представляла собой бронзовое яблоко, уже, видимо, надкушенное, поскольку стоявшие справа и слева от него прародители человечества, тоже отлитые из бронзы, теперь прикрывали срамные места неловко изогнутыми руками. Эпоха неведения, чья последняя роковая минута запечатлена была на сундуке, миновала, видимо, только что. Ева как-то неумело, неестественно держала чуть окисленную, позеленевшую ладошку, загораживая ею низ живота, еще не сознавая волшебной силы этого жеста, отшлифованного с тех пор миллионами купальщиц.

Иван Дмитриевич двумя пальцами сжал чернильницу, повернул и несколькими круговыми движениями легко вывинтил ее из доски. В углублении под ней блеснул ключ с прихотливой бородкой, с массивным кольцом, вырезанным в виде змеи, кусающей себя за хвост.

– Занятно, – сказал Шувалов.

И опять же лишь сейчас Иван Дмитриевич понял, почему замочная скважина на сундуке помещена в центр большой алой розы с блестящими, как бы влажными лепестками. Он ввел ключ в узкую темную щель, обрамленную их бесстыдной краснотой, думая: что-то родится из этого соития? Замок щелкнул, Иван Дмитриевич откинул крышку.

Шувалов уже стоял рядом, заглядывая через плечо. Они увидели шпагу с золотым эфесом и вделанными в гарду часами; ордена на подушечках; маленькие, в каких держат драгоценности, коробочки; футлярчики, кипу ассигнаций и десятка полтора стопок с письмами, аккуратно перевязанных шелковыми ленточками.

«Людвиг, мой бородатый шалунишка, – успел прочитать Иван Дмитриевич, – сегодня я целый день...»

– И все от разных женщин, ваше сиятельство, – сказал он. – Видите, ленточки разных цветов. И цветá, я думаю, не случайно подобраны. С возрастом холостяки становятся сентиментальны, как барышни.

– Дайте ключ, – приказал Шувалов.

Он захлопнул крышку, закрыл сундук, положил ключ в карман и двинулся к выходу, повелительно бросив на прощанье:

– Вечером я буду у себя, приедете с докладом.

Стоя в эркере, Иван Дмитриевич наблюдал, как, отъехав от крыльца, шуваловская карета остановилась в конце квартала, где за четверть часа перед тем телега ломового извозчика вползла в фургон с гробом князя фон Аренсберга. Там толпились и галдели зеваки, ругались кучера, но вот подъехала карета шефа жандармов – и разом всё стихло. Так усеиваются бушующие морские валы, когда с корабля выливают на них масло из бочонков. Сквозь двойные стёкла закрытого окна Иван Дмитриевич ощутил на лице ледяное дуновение власти. Хозяин требует службы, начальник – повиновения, а настоящая власть, вершинная, уже ни в чем не нуждается, кроме одного: только бы помнили о ней всегда, в каждую минуту жизни. Подлинная власть похожа на любовь: забыл о ней – значит, изменил.

Смерть фон Аренсберга потому и устрасала многих, что убийцы, задушив иностранного дипломата в двух шагах от Зимнего дворца, будто начисто позабыли о существовании этой власти. В такое трудно было поверить. Не бывает такого, тем более в России. Нет, думал Шувалов, преступники ничего не забыли. Помнили, голубчики. Еще как помнили! Потому и убили.

3

Велев кучеру остановиться, Шувалов распахнул дверцу кареты и поманил к себе посольского секретаря, сопровождавшего тело фон Аренсберга:

– Господин секретарь, прошу вас передать это лично графу Хотеку...

Змея обвилась вокруг его указательного пальца, ключ от княжеского сундука на секунду повис над толпой, затем упал в ладонь секретаря. Стоявший неподалеку человек в чиновничьей шинели проследил за ним быстрым цепким взглядом.

– Да, – вспомнил Шувалов. – Будьте любезны назвать мне ваше имя.

– Барон Кобенцель.

– Кобенцель?

– Сказать по буквам, ваше сиятельство?

– Кобенцель, Кобенцель... Вы никогда не были мне представлены?

– Не имел чести.

– Откуда же я знаю эту фамилию?

– Один из моих предков приезжал послом из Регенсбурга в Москву, к Ивану Грозному. Он упоминается у Карамзина.

Шувалов сразу потерял к собеседнику всякий интерес. Он простился и уехал, фургон с телом покойного тоже готов был двигаться дальше, но в эту минуту, впервые за день, из-за облаков проглянуло солнце. Блаженно зажмурившись, Кобенцель подумал, что сопровождать гроб в посольство ему вовсе не обязательно, лакеи справятся и без него. Он сказал им, чтобы продолжали путь одни, а сам не спеша пересек Дворцовую площадь и под аркой Главного штаба вышел на Невский. Опасаться кого-то среди бела дня ему и в голову не приходило. Он не замечал, что какой-то человек в чиновничьей шинели неотступно следует за ним.

По обеим сторонам проспекта текла нарядная толпа, никто здесь не думал о смерти князя фон Аренсберга. Жизнь продолжалась, через полсотни шагов из распахнувшейся перед самым носом двери кондитерской соблазнительно повеяло ароматом жареного кофе. В окне Кобенцель увидел крошечный зальчик, обставленный в немецком курортном стиле. Он вошел. За тремя из четырех столиков сидело по паре, за четвертым – хорошо одетый мужчина средних лет с породистым витиеватым носом. Это был агент Левицкий, посчитавший ниже своего достоинства отправиться прямо туда, куда командировал его Иван Дмитриевич. Он прихлебывал горячий шоколад с таким наслаждением, что Кобенцель, сам вообще не способный испытывать сильные чувства, ему позавидовал.

– Прошу вас, мсье. – Левицкий королевским жестом указал на стул напротив себя.

Кобенцель сел, заказал кофе с пирожным, попросил у хозяина лист бумаги, достал карандаш и со смешанными чувствами, среди которых преобладало, пожалуй, смутное удовлетворение, начал набрасывать письмо жене, уехавшей на Пасху в Вену. Когда-то у нее был роман с Людвигом фон Аренсбергом, и теперь, ни о чем, упаси боже, не напоминая, хотелось выразить ей соболезнования таким образом, чтобы она оценила его, Кобенцеля, великодушие.

– Письмо, написанное карандашом, подобно разговору вполголоса, – улыбнулся Левицкий.

– Это русская поговорка? – спросил Кобенцель.

Левицкий рассмеялся:

– Вы иностранец?

– Да.

– Но ваш русский язык превосходен.

– Благодарю за комплимент. Дело в том, что наша семья вот уже триста лет связана с Россией. Один из моих предков был послом Священной Римской империи при дворе Ивана Грозного.

– О-о! – заинтересовался Левицкий. – А знаете ли вы, отчего он умер?

– Существует легенда, будто царь приказал гвоздями прибить ему к голове шляпу, когда он отказался снять ее перед царским тронном. Но это ложь, это всё поляки выдумали.

– Поляки? Почему поляки?

– Из политических соображений. Чтобы посорить Москву с Веной.

– Вот как? Любопытно... Впрочем, я спрашивал не о нем.

– О ком же?

– Об Иване Грозном. Вам что-нибудь известно о причинах его смерти?

– Я читал Карамзина, – скромно сказал Кобенцель.

– Карамзин всё врет, – заявил Левицкий. – Вот я вам расскажу...

Человек в чиновничьей шинели, сидевший за угловым столиком, осторожно косил в их сторону, прислушиваясь к разговору.

– Однажды, – рассказывал Левицкий, – когда царь за обедом поел много жирного, Борис Годунов предложил ему сразиться в шахматы. Сели играть. А Борис, как брюнет, был человек хитрый, это исторический факт. Он, видите ли, завел себе такую манеру: за коня, например, возьмется, подержит, в затылке им почешет, потом передумает – и пойдет слоном. Это, конечно, против правил. Ну, царю в конце концов надоело, он говорит: «За кого взялся, соба-

чий сын, за какую фигуру, ею и ходи!» Годунов ровно и не понимает: «За кого взялся?» – «За коня!» – «Не брался, государь...» Нарочно гневит его, из себя выводит. Царь, натурально, в амбицию: «С кем споришь, холоп? Ходи конем!» Годунов не уступает: не брался, и всё тут. Божится, бестия, будто даже пальцем до этого коня не дотронулся. Врет в глаза, да еще на свидетелей кивает: они, мол, подтвердят, всю правду скажут. А бояре, что за игрой смотрели, то были годуновские сообщники, вместе в заговоре. Они на коленки попадали, лбами об пол стучаются, вопят: «Не вели, государь, казнить, поблазнилось тебе! Не брался он, Бориска-то, раб твой, за коника!» Царь аж затрясся весь. Глаза выпучил, ка-а-ак закричит: «Ходи конем!». Тут ему в голову кровь ударила, захрипел – и помер. Обычное дело в таком возрасте, к тому же после жирного.

Кобенцель молчал. Он не знал: то ли нужно порадоваться гибели тирана, то ли осудить способ, каким заговорщики довели его до смерти.

– Вот это я понимаю, чистая работа, – сказал Левицкий. – Не то что ночью в постели подушками душить.

– Вы... Вы имеете в виду князя фон Аренсберга?

– Он, правда, в шахматы не игрывал, не по его характеру. Но картишки очень даже любил. И азартен был, мир его праху! Если бы на него умного шулера подобрать, можно было до сердечного удара довести. Дали бы этому шулеру сотенок пять, он бы уж расстарался. А убийцам небось многие тысячи заплатили. Не знают люди цену деньгам, ей-богу!

Письмо жене Кобенцель так и не написал, но уже не хотелось дольше оставаться за этим столиком. Он расплатился и вышел в вестибюль. Потоптавшись там, нерешительно приоткрыл какую-то дверь, в надежде, что за ней окажется отхожее место. Оттуда пахло сыростью, мрачная лестница с выщербленными каменными ступенями вела куда-то вниз, в темноту.

Вышедший вслед за ним человек в чиновничьей шинели спросил:

– Вам в нулик-с?

– Да, – смущенно покивал Кобенцель.

– Это здесь.

– Как-то, знаете...

– Пойдемте, я вас провожу.

Могильным земляным холодом тянуло из подвала и ничем больше. Принюхиваясь, Кобенцель в нерешительности застыл у порога, как вдруг почувствовал, что незнакомец приблизился вплотную и со странной настойчивостью чуть ли не подталкивает его к лестнице. Стало страшно. Кобенцель отскочил в сторону, толкнул стеклянную дверь с колокольчиком и выбежал на шумный, залитый солнцем проспект.

4

Задумавшись, провожая взглядом шуваловскую карету, Иван Дмитриевич стоял у окна, когда в гостиную без стука вошел сыскной агент по фамилии Сыч. Шел он, пританцовывая, и загадочно улыбался, словно приготовил начальнику приятный сюрприз. Следом ввалился полицейский с мешком, который он опасливо держал перед собой на вытянутых руках.

– Важнейшая, Иван Дмитриевич, улика! – сияя, сказал Сыч. – Газеточку позвольте.

Он взял верхнюю из целой кипы только что доставленных для князя свежих газет, хотел положить ее на стол, но почему-то передумал и расстелил на крышке рояля. Затем скомандовал своему спутнику:

– Давай!

Полицейский развязал мешок, пристроил его устьем на газете и бережно, слегка встряхивая, поднял. На рояле осталось лежать нечто круглое, желтовато-синюшное, жуткое, в чем

Иван Дмитриевич не сразу признал отрезанную человеческую голову. Он прикрыл глаза. Горло перехватило спазмом, из которого отрыгнулось жгучей рвотной кислотой.

– Вот она, Иван Дмитриевич! Нашли, – со сдерживаемым ликованием объявил Сыч.

На его тощей усатой физиономии читалось радостное сознание исполненного долга.

– Ты зачем ее сюда притащил, болван? – заорал Иван Дмитриевич, с трудом одолевая стоящую в горле дурноту.

Сыч погрузился:

– Эх! Думал, порадуя вас...

– Да я тебе кто? – взвился Иван Дмитриевич. – Ирод, что ли? Чингисхан? Дракула?

Голова покоилась на газете лицом к окну – маленькая, темная, сморщенная, с надорванным ухом, окруженная со всех сторон равнодушно-величественной гладью рояля, невыразимо жалкая в своем посмертном одиночестве, где ее лишили даже тела, – и вызывала не ужас, не брезгливость, а то чувство, какое покойная теща Ивана Дмитриевича пыталась развить в его жене, когда отрывала у ее кукол ручки и ножки.

Сыч между тем рассказывал, как сегодня в шестом часу утра полицейские, проходя Знаменской улицей, возле трактира увидели на земле эту голову, подобрали ее и отнесли в участок. Там она и пролежала без всякой пользы, пока не попала на глаза ему, Сычу, зашедшему туда совершенно случайно.

– Ну а сюда-то ты ее для чего приволок? – устало спросил Иван Дмитриевич.

– Толкуют, австрийскому консулу голову отрубили. Думал, она.

– Кто толкует?

– Народ.

– Где?

– Везде. Я, к примеру, от водовоза слышал.

Иван Дмитриевич вздохнул. Да-а! Еще фонарей не зажгли – а молва уже весь австрийский дипломатический корпус под корень извела: посла, дескать, зарезали, консулу голову отрубили. Приказчик табачной лавки, куда Иван Дмитриевич выбегал купить табаку, доверительно сообщил ему, что австрийков студенты режут. Зачем? Приказчик и это знал: чтобы наш государь с ихним королем поссорились. Начнется война, государь уедет из Питера со всем войском, тогда студенты и забунтуются. Черт-те что!

Неужели кто-то сознательно распускает такие слухи? Иван Дмитриевич покосился в сторону рояля. Вестницей надвигающегося хаоса казалась эта голова. Рассматривать ее не хотелось, но краешком глаза он отметил все-таки, что мужская, с бородой и усами.

– Забери ее. Вместе с газетой, – велел Иван Дмитриевич и спохватился: – Нет, обожди. Говоришь, на Знаменке возле трактира нашли?

– Да.

– Там их много. Возле какого?

– «Три великана», Иван Дмитриевич.

– Забирай и покажи половым. Если признают, сразу мне доложишь.

– Слушаюсь.

Полицейский, всё это время не проронивший ни слова, раскрыл мешок и прижал его одним боком к роялю, а Сыч, не касаясь мертвой головы, на газете начал подтягивать ее к краю рояльной крышки, чтобы затем уронить прямо в мешок.

Когда наконец она туда упала, Иван Дмитриевич вынул из бумажника наполеондор, найденный под княжеской кроватью, и на ладони протянул его Сычу.

Тот расплылся в счастливой улыбке:

– Это мне? Ох, Иван Дмитриевич, балуете вы меня!

– Шиш тебе! Разбежался.

– Чего тогда дразните?

– Ты посмотри на нее хорошенько, чтобы запомнить. Это французская золотая монета, на ней император Наполеон Третий... Запомнил?

– Ну, – скучным голосом сказал Сыч.

– Значит, так, – распорядился Иван Дмитриевич. – Двигай на Знаменку, а как с головой разберетесь, пойдешь по церквям, поспрашиваешь, не заказывал ли кто заупокойный молебен отслужить на такую денежку.

Потом он прошагал к двери, распахнул ее и позвал:

– Константино-ов!

Тот слонялся по коридору в ожидании, когда любимый начальник сменит гнев на милость, и явился мгновенно.

– Видишь? – показал ему Иван Дмитриевич всё тот же наполеондор.

– Вижу. Не слепой.

– Ты чего так отвечаешь? Обиделся, что ли?

– А вы как думаете! Я вас тут с утра караулю, не жрамши, а вы меня ни за что ни про что из-за стола выгнали.

– Ладно, сочтемся. Ступай сейчас по трактирам, попробуй разузнать, не расплачивался ли сегодня кто-нибудь такими деньгами. Для начала на Знаменку загляни. Помнишь, какие там трактиры?

– «Избушка», «Старый друг», «Калач», «Отдых рыбака», «Три великана», «Лакомый кусочек», – отчеканил Константинов.

– Вот тебе эта монетка, спрячь. Показывай ее, но в руки никому не давай. Сумеешь узнать что-то путное – будет твоя.

Последнюю фразу Иван Дмитриевич из человеколюбия произнес уже после того, как Сыч и полицейский с мешком покинули гостиную.

* * *

Много позднее, в Петербурге, обрабатывая свои записи и добравшись до эпизода с отрезанной головой, Сафронов зацепился мыслью за слово «газета».

На другой день он пошел в читальный зал Императорской Публичной библиотеки, где попросил принести ему несколько газетных подшивок двадцатилетней давности – с номерами за конец апреля и начало мая 1871 года. Для верности хотелось сопоставить то, что писала про убийство князя фон Аренсберга тогдашняя пресса, с тем, что рассказывал об этом Иван Дмитриевич, но, как с удивлением обнаружил Сафронов, ни одна из столичных газет ни 25 апреля, ни в последующие дни не сообщала о преступлении в Миллионной ровным счетом ничего.

Между тем, излагая события тех дней, Иван Дмитриевич жаловался, что невозможно было выйти из княжеского особняка на улицу, чтобы не наткнуться на репортера, норовившего задать ему какой-нибудь дурацкий вопрос.

Всё это было, по меньшей мере, странно. Наскоро проглядев газеты, Сафронов начал просматривать их внимательнее – в надежде обнаружить хотя бы крохотную заметочку о гибели австрийского военного атташе.

Первые полосы всюду занимали обширные корреспонденции о боях под Парижем: инсургенты отбивают атаки версальских войск, форт Исси переходит из рук в руки, наполненный листовками Коммуны воздушный шар поднялся над городом, но из-за отсутствия ветра все листовки упали на пролетарское Сент-Антуанское предместье, которое и без того не нуждается в пропаганде социалистических идей. С негодованием отвергалось беспочвенное утверждение одного берлинского еженедельника, будто генерал Домбровский, едва ли не самый популяр-

ный из повстанческих генералов, по происхождению русский. Нет! Он хотя и российский подданный, но поляк.

О чем еще писали газеты в те дни?

В Англии предложение дать избирательное право женщинам отвергнуто парламентом: за – 151 голос, против – 220.

В Одессе закончился трехдневный еврейский погром. Евреи призывают бойкотировать питейные заведения, где собирались погромщики. Студенты оцепили трактир «Золотой якорь», не пропускают туда посетителей. Полиция разогнала студентов.

За истекшую неделю в Петербурге зарегистрировано 89 случаев заболевания холерой.

Во время гуляния в Демидовском саду мадемуазель Гандон танцевала на открытой сцене канкан и привлечена к суду за нарушение приличий в публичном месте. На суде свидетель, жандармский подполковник Фок, отверг это обвинение, сказав: «Господа, о каком неприличии может идти речь, если танец исполнялся в мужском костюме? Ведь ничего же не было видно!»

Арестован бессрочно-отпускной солдат Иванов, который подделывал жетоны общественных бань для простонародья и получал по ним чужую одежду.

Касторовые шляпы, шубки на кенгуровом меху, средства против облысения, паровые котлы, минеральные воды и так далее. Реклама.

Погода неустойчивая, хотя Нева уже вскрылась. Северная весна, последние полосы пестрят объявлениями о сдающихся внаем дачах. Здесь же траурные каемки некрологов, но искомого имени среди них тоже не обнаружилось.

Лишь по дороге домой Сафронов сообразил, что в 1871 году еще не был принят новый цензурный устав, и каждый номер каждой газеты цензоры прочитывали до того, как он отправлялся в типографию. Естественно, всё лишнее вычеркивалось. Шувалов, очевидно, отдал соответствующие распоряжения, и ни одно известие о трагедии в Миллионной так и не сумело просочиться в печать.

При этом цензура постыдно проглядела следующий факт: «Санкт-Петербургские ведомости» уверяли своих читателей, что 25 апреля в столице было 12 градусов по Цельсию, солнечно, а «Голос» настаивал на температуре почти нулевой, с дождем и мокрым снегом.

Глава 3

Винтовка Гогенбрюка

1

Иван Дмитриевич стоял у окна, дожевывая последний из бутербродов с безвредным для желудка белым куриным мясом, которыми его истово снабжала жена. Внезапно грянул звонок у входной двери. Через минуту камердинер ввел в гостиную нового посетителя. Молодой человек в военной форме, он отрекомендовался соответственно:

– Преображенского полка поручик...

Фамилию Иван Дмитриевич не расслышал, но к появлению такого гостя отнесся с понятным интересом. Казармы Преображенского полка располагались прямо через улицу от дома фон Аренсберга, тамошние часовые или дежурный офицер вполне могли сообщить об убийстве князя что-то важное.

– А вы, значит, господин Путилин?

– Он самый.

– Начальник сыскной полиции?

– Пока что – да. Присаживайтесь.

Поручик сел, настороженно всматриваясь в собеседника своими светло-серыми, ясными и одновременно чуть стеклянными глазами, какие бывают у стрелков-асов, молодых честолюбцев и застарелых пьяниц, знававших лучшие дни.

– Вам известно, – спросил он наконец, – что наша армия вооружается винтовками нового образца?

– Увы, – покачал головой Иван Дмитриевич. – Я человек штатский, даже охоту не люблю. Предпочитаю рыбалку.

– Старые дульнозарядные ружья переделываются по системе австрийского барона Гогенбрюка, – объяснил поручик. – Чтобы заряжать с казенной части.

Для наглядности он пальцем похлопал бронзовую Еву на чернильном приборе пониже спины.

– Отсюда... Понимаете?

– Очень интересно, – сказал Иван Дмитриевич. – Вы пришли сюда за тем, чтобы это мне сообщить?

Поручик быстро заглянул в спальню, в кабинет – и лишь потом, убедившись, что никто не подслушивает, начал рассказывать, как зимой его приставили к особой команде, проводившей испытания нового оружия. На испытаниях присутствовал сам Гогенбрюк и некто Кобенцель, тоже барон, какая-то мелкая шушера при австрийском посольстве. До обеда стреляли из гогенбрюковских винтовок, после принесли партию других, изготовленных по проектам русских оружейников, и – странное дело! – все они по меткости боя и по скорострельности дали результат гораздо худший, чем на прежних стрельбах. Никто ничего не мог понять. Изобретатели рвали на себе волосы и чуть не плакали, инспекторы сокрушенно разводили руками. В итоге принц Ольденбургский, который в тот день якобы случайно посетил испытания, рекомендовал поставить на вооружение пехоты именно винтовку Гогенбрюка. Лишь на обратном пути, когда возвращались в казарму, он, поручик, учуял, что от солдат пахнет водкой.

– И ведь не сами напились! – рассказывал поручик. – За обедом, оказывается, их позвали к своей карете Гогенбрюк и Кобенцель – и поднесли каждому чуть ли не по стакану. На радо-

стях будто бы, что винтовка так хорошо показала себя в их руках. Оттого-то мои молодцы после обеда медленнее заряжали и хуже целились.

– Ай-ай, как нехорошо, – равнодушно сказал Иван Дмитриевич.

– Слушайте дальше. На другой день я представил рапорт в военное министерство, но ходу ему почему-то не дали. Написал донесение Шувалову – тот же результат. Ладно Гогенбрюк, он лицо частное. Так ведь и Кобенцель, этот провокатор, не только не был наказан, а еще и получил повышение: стал секретарем посольства. Причем исхлопотал ему это место покойный хозяин дома, где мы с вами, господин Путилин, сейчас находимся. Вас это не наводит на размышления?

– Пока нет.

– А если я вам скажу, что еще осенью фон Аренсберг ездил на охоту с принцем Ольденбургским, Кобенцелем и Гогенбрюком? И что все они были вооружены этими самыми винтовками? Весьма знаменательное совпадение.

– Винтовка-то хоть хорошая? – спросил Иван Дмитриевич.

– Неплохая.

– Так в чем же дело? Пускай.

– Но есть и получше. – Поручик начал нервничать. – Скажу без ложной скромности: я сам предложил превосходную модель. Трудился над ней три года и довел до совершенства. Ударник прямолинейного движения! Представляете? Пружина спиральная! Дайте лист бумаги, я нарисую.

– Не надо, – испугался Иван Дмитриевич.

По этому предмету он знал лишь то, о чем во время унылых семейных обедов по воскресеньям распространялся тесть, отставной майор. Ружье, точнее русское ружье, он считал особым стреляющим добавлением к штыку, который, как известно, молодец, чего про пулю не скажешь. В числе главнейших достоинств, какими должно обладать это второстепенное добавление, тесть полагал два: толщину шейки приклада и вес. Чем толще шейка, тем труднее перерубить ее саблей, когда пехотинец, защищаясь от кавалерийской атаки, поднимет ружье над собой. А тяжесть оружия развивает выносливость у нижних чинов. Если оружие будет чересчур легким – солдаты избалуется.

Поручик вскочил и начал ходить по гостиной.

– У моей модели прицельна полторы тысячи шагов! – почти кричал он. – У Гогенбрюка всего на тысячу двести. У меня гильза выбрасывается автоматически, да! У него выдвигается вручную. Сами австрийцы его систему отвергли, а мы приняли. Почему?

– Может быть, так дешевле обходится переделывать старые ружья?

– Ха! На чем бы другом сэкономили.

– Или фон Аренсберг получил взятку от Гогенбрюка. Как военный атташе, он был вхож в высшие сферы, мог помочь.

– Наоборот, – сказал поручик. – Идея принадлежала князю, а Гогенбрюк был только его орудием. Как и принц Ольденбургский. Тот, впрочем, – невольным орудием.

– Ничего не понимаю, – признался Иван Дмитриевич.

– Эх вы... Я уверен, князь имел секретное задание своего правительства содействовать ослаблению русской армии. Ситуация на Балканах такова, что рано или поздно мы будем драться там не только с султаном, но и с Веной.

– Далась вам эта ситуация на Балканах!

Поручик понизил голос:

– Кто-то должен был помешать фон Аренсбергу осуществить эти планы.

– Вы имеете в виду его убийцу?

– Попрошу не употреблять при мне это слово!

– То есть? – не понял Иван Дмитриевич.

– Не убийца, нет! Мститель.

– Но не вы же, надеюсь, отомстили ему столь зверским способом?

– Скажу откровенно, такая мысль приходила мне в голову. И, думаю, не мне одному.

Иван Дмитриевич насторожился:

– Кому же еще?

– Многим честным патриотам.

– Вы знаете их по именам?

– Имя им – легион! – мрачно сказал поручик. – Вам, господин Путилин, уже невозможно отказаться вести расследование. Я вас не осуждаю. Но заранее хочу предупредить: не проявляйте излишнего усердия!

– О чем это вы? Я исполняю свой долг.

– Ваш долг – служить России!

– Ей и служу. Я охраняю покой моих сограждан.

– Граждане бывают спокойны в могучем государстве, – возразил поручик, – а не в том, чья армия вооружена винтовками Гогенбрюка. Скажите, могу ли я надеяться, что мститель фон Аренсбергу схвачен не будет?

– Нет, – твердо ответил Иван Дмитриевич. – Не можете.

– Я вызову вас на дуэль!

– А я, – спокойно улыбнулся Иван Дмитриевич, – не приму ваш вызов.

– Ах так? – Внезапным кошащим движением поручик ухватил его за нос. – Шпынок полицейский!

Нос будто в тисках зажал, и не хватало сил освободиться, оторвать безжалостную руку. От боли и унижения слёзы выступили на глазах. Иван Дмитриевич был грузнее телом, в борьбе задавил бы поручика, но с железными его клешнями совладать не мог. Он замахал кулаками, пытаясь достать обидчика, стукнуть по нахальному конопатому носу, но поручик держался на расстоянии вытянутой руки, а его рука была длиннее.

– Попомнишь меня! Ой попомнишь! – приговаривал он, жестоко терзая пальцами носовой хрящ.

В носу уже хлюпало.

Тогда Иван Дмитриевич воспользовался извечным оружием слабейшего – зубами. Изловчившись, он цапнул поручика за ладонь, в то место, где основание большого пальца образует удобную для укуса выпуклость, известную в хиромантии как «бугор Венеры». Мясистость его свидетельствовала о больших талантах поручика в этой области, где покойный князь мог бы стать ему достойным соперником. Оба они, живой и мертвый, владели, видимо, волшебным ключом от сундуков, ларчиков и шкатулочек, чьи замочные скважины окружены алыми, влажными от ночной росы лепестками царицы цветов – розы.

Таким замечательным ключом Иван Дмитриевич похвалиться не мог, но зубы у него были крепкие.

Выругавшись, поручик отпустил его нос, левой рукой достал из кармана платок, зажал им кровоточащую рану и, заслышав шаги в коридоре, скользнул к выходу. В дверях он едва не столкнулся с Певцовым. Тот проводил его удивленным взглядом, затем с не меньшим удивлением увидел покрасневший нос и увлажнившиеся от боли глаза Ивана Дмитриевича.

– Что за тип? – спросил Певцов.

– А-а, какой-то сумасшедший.

– Я думал, ваш агент.

– Еще чего! Таких не держим.

– Зачем он приходил?

– Излить душу. Рассказывал мне, какой сволочью был князь фон Аренсберг.

– И вы расстроились до слез?

– Это-то? – Иван Дмитриевич промокнул глаза платочком. – Это я от смеха. Уморительный малый... Ну а что рассказал ваш болгарин? Боев, кажется?

– Кое-что рассказал, – садясь в кресло, важно ответил Певцов. – По долгу службы вам, полагаю, известна деятельность «Славянского комитета»...

– Разве в его деятельности есть что-то предосудительное? Насколько я знаю, эта организация создана по инициативе властей и находится под высочайшим покровительством.

– Вы преувеличиваете. В высших сферах отношение к ней двоякое, но в данном случае это не важно. Дело вот в чем. Месяц назад «Славянский комитет» провел сбор пожертвований в пользу болгар, бежавших от турецких насилий на территорию Австро-Венгрии, а фон Аренсберг взялся переправить эти деньги по назначению.

– Зачем он это сделал?

– Надеялся таким способом завоевать симпатии некоторых влиятельных лиц в Петербурге, сочувствующих славянскому движению. Хотек его затею не одобрил, но втайне от него князь все-таки принял деньги и выдал расписку. Тогда-то на горизонте и появился Боев. Ему, оказывается, удалось добиться, чтобы часть собранных пожертвований передали на нужды землячества болгарских студентов в России. Третьего дня Боев приходил сюда за деньгами, но фон Аренсберг согласился выдать ему оговоренную сумму не раньше, чем «Славянский комитет» по-новому оформит все финансовые документы. Следующее их свидание назначено было на сегодня, на девять часов утра, но Боев на него не пришел.

– Почему?

– Сам он говорит, что прибежал с опозданием, когда в дом никого не впускали. Ночью, дескать, готовился к экзамену, заснул только на рассвете и, соответственно, проспал.

– А что нашли при обыске?

– Ничего существенного. След укуса тоже не обнаружен.

– Вы осмотрели ему руки до локтей?

– До плеч. Потом заставил его раздеться до пояса и обследовал всё тело.

– И отпустили?

– Напротив. Посадил на гауптвахту.

– Помилуйте! На каком основании?

Певцов улыбнулся:

– Я, господин Путилин, излагаю вам голые факты. Выводы оставляю при себе, иначе результаты собственных разысканий вы невольно начнете подгонять под мои подозрения.

– Вы так думаете? – оскорбился Иван Дмитриевич.

– Да, но в этом нет никакой вашей вины. Согласитесь, между полицией и жандармами есть известная разница в положении, которую вы при всех ваших талантах и амбициях не можете не сознать. Моя мысль имеет большую ценность, чем ваша, не потому, что я умнее, а потому, что я – это я. Не хотелось бы подавлять вас авторитетом нашего ведомства.

Придавая значительность этой мысли, часы на стене пробили пять раз.

– Тогда, пожалуйста, объясните мне, – попросил Иван Дмитриевич, возвращая разговор на почву голых фактов, – почему князь пригласил к себе Боева в такую, по его понятиям, рань? После бессонной ночи, проведенной в Яхт-клубе, он мог бы назначить ему свидание и попозже.

– Князь не хотел, чтобы о его встрече с Боевым стало известно. Как правило, в девять и даже в десять часов утра он еще спал, поэтому наблюдение за домом устанавливалось где-то к полудню.

– За ним следили? – поразился Иван Дмитриевич. – Кто?

Но Певцов уже спохватился, что наболтал лишнего.

– Извините, господин Путилин, вам это знать ни к чему, – отрезал он.

– Тайна, затрагивающая государственные интересы России?

– Именно.

– В таком случае, – поколебавшись, все-таки решился Иван Дмитриевич, – советую обратить внимание на того преображенного поручика, с которым вы только что чуть в дверях не столкнулись. Не знаю, к сожалению, его фамилии. Зато знаю, что этот малый изобрел какую-то волшебную винтовку, отвергнутую нашими чинушами из военного министерства.

К тому времени как часы пробили четверть шестого, Иван Дмитриевич успел рассказать о кознях барона Гогенбрюка, также не сделав никаких выводов. Факты, и ничего больше.

– Да, любопытно. А почему вы сами не хотите заняться этим поручиком? – недоверчиво спросил Певцов. – Почему уступаете его мне?

– Политика, ротмистр, это по вашей части. Куда нам с кувшинным-то рылом! Мы свое место знаем.

– Издевается?

– Есть маленько, – признал Иван Дмитриевич, – но если серьезно, я и вправду считаю, что вы тут лучше справитесь. Моя профессия – ловить уголовников, а не тех джентльменов, что убивают себе подобных из самых благородных политических убеждений.

– Хорошо, – кивнул Певцов, – спасибо за информацию. Однако вы, по-моему, намерены утаить от меня одно весьма важное обстоятельство.

– Какое?

– Отрезанная голова. Мои люди разговаривали с вашим агентом по фамилии Сыч, но мало чего добились. Я, собственно, для того сюда и приехал, чтобы подробнее разузнать о его визите. Что он вам сообщил?

– Нес всякую чушь. Будто австрийскому консулу голову отрубили, а он, видите ли, ее нашел.

– Хороши у вас агенты, – усмехнулся Певцов.

– Он у меня один такой. Выгнал бы, да жалко: у него семеро по лавкам пишат.

– То, что говорил ваш Сыч, дикость, конечно, тем не менее – всё это звенья одной цепи. У меня определенно складывается впечатление, что кто-то сеет в городе панику.

– А чья голова? – поинтересовался Иван Дмитриевич. – Вам удалось выяснить?

– Голова-то ничья.

– Как ничья?

– Из анатомического театра Медико-хирургической академии. Вчера студент Никольский поспорил с приятелями на бутылку шампанского, что незаметно вынесет эту голову, – и, представьте себе, вынес. Пугал ею девиц, пьяный, потом бросил прямо на улице.

– Вот мерзавец! – возмутился Иван Дмитриевич. – Вы его арестовали?

– Это успеется. История не так элементарна, какой она представляется на поверхностный взгляд.

Певцов подошел к окну, громко постучал в стекло, привлекая внимание своего кучера, и подал ему знак, что сейчас выйдет.

– Вы куда едете? – спросил Иван Дмитриевич.

– А вам куда надо?

– На Кировную.

– Ну, до места не доставлю, но полпути провезу, если желаете.

Через десять минут они проехали под аркой Главного штаба, повернули и покатали по Невскому. Вокруг раздавались крики извозчиков и кучеров, слышался неумолчный шелест литых резиновых шин, похожий на шипение оседающей в кружках пивной пены. Веселая нарядная толпа с гулом текла по обеим сторонам проспекта, как всегда бывает в первые теплые весенние вечера, когда в самом воздухе разлито обещание какой-то счастливой перемены жизни.

– Чувствуете? – угрюмо проговорил Певцов. – Повсюду неестественное лихорадочное возбуждение.

Иван Дмитриевич хмыкнул:

– Весна. Щепка на щепку лезет.

Экипаж был на рессорах, его плавное покачивание располагало к откровенности.

– Весна, говорите? А вот мне почему-то не Лель с дудочкой на ум приходит, а знаете кто?

Михаил Бакунин, как это ни странно звучит в такую погоду. Слыхали о нем?

– Социалист?

– Да, социалист, эмигрант, революционеры всей Европы на него молятся. Он у них вроде Папы. По его мнению, с этой братией, – Певцов указал на группу студентов около афишной тумбы, – каши не сваришь. Маменькины сынки, белоручки, крови боятся. В тайные же общества следует вербовать всякое отребье, уголовных. Он эту сволочь по-научному именует: разбойный элемент. То они просто так убивали и грабили – а теперь, понимаете ли, будут делать всё то же самое, но с теорией, для того чтобы вызвать брожение в обществе. Тогда социалистам легче будет захватить власть. Как в Париже...

Иван Дмитриевич подумал, что подобная идея может осенить только человека, никогда не бывавшего в настоящем воровском притоне, и поверить в возможность ее осуществления способен лишь такой же человек.

– Если вы подозреваете, – сказал он, – что фон Аренсберг пал жертвой этой теории, стоит другими глазами взглянуть на ту косушку из-под водки.

– Какая еще косушка?

– Помните, утром я ее в гостиной за шторой нашел, на подоконнике? Болгарин, наверное, предпочел бы вино...

Певцов задумался. Некоторое время ехали молча, потом он приказал кучеру:

– Стой!.. Мне здесь направо, а вам – прямо. Вылезайте. Желаю удачи.

2

По дороге на Фонтанку, к Шувалову, который нуждался в материале для докладов государю, и позднее, разыскивая указанного Иваном Дмитриевичем Преображенского поручика, чтобы на всякий случай потянуть и за эту ниточку, Певцов мысленно продолжал следовать своим путем – от очевидной причины к вероятным фактам.

Хотя Боев и не признался в убийстве фон Аренсберга, подозрения не были с него сняты. Певцов предполагал, что ночью он забрался в княжеский особняк с целью завладеть всей собранной «Славянским комитетом» суммой, а не частью ее, и пустить эти деньги на закупку оружия для болгарских гайдуков. Основания для такого вывода имелись: по словам председателя «Славянского комитета», Боев неоднократно заявлял ему, что лучший способ помочь пострадавшим от турецких насилий беженцам – отомстить за них. Он знал, что деньги лежат в сундуке, но открыть его не сумел, князь даже под угрозой смерти не сказал, где спрятан ключ. В итоге Боеву и его сообщнику, которого, видимо, князь и укусил за руку, пришлось довольствоваться револьвером, лежавшим в туалетном столике, и десятком французских золотых монет.

Свои выводы Певцов скрыл от Ивана Дмитриевича, чтобы, если подозрения подтвердятся, не делиться с ним лаврами, но тот сам обо всём догадался. Не бог весть какие сложные умозаключения!

Однако Иван Дмитриевич не знал другого: студент-медик Никольский, укравший голову из анатомического театра, еще днем был арестован. Схватили его в тот момент, когда он явился на дом к уже сидевшему на гауптвахте Боеву. За этой квартирой Певцов приказал установить наблюдение, и, как оказалось, не напрасно.

Прибыв туда, он задал Никольскому пять вопросов:

Сам ли он додумался вынести голову из здания Медико-хирургической академии, а затем бросить ее на улице, – или действовал по чьему-либо наущению?

1. Может быть, кто-то из товарищей раззадорил его и подбил на такое пари?
2. Где он провел сегодняшнюю ночь?
3. В каких отношениях состоит с Боевым?
4. По какому делу явился к нему на квартиру?

«Обещаю, – сказал ему Певцов, – что, если ответы будут чистосердечными, ваш проступок останется без последствий. Иначе “волчий билет” вам гарантирован».

Никольский принял это обещание близко к сердцу, тем не менее отвечал, что украл голову исключительно по собственной дурасти, ночь провел у старшей сестры Маши, а к Боеву пошел попросить полтинник на опохмелку, потому что они приятели, вместе учатся.

Что-тостораживающее было в самой безыскусности этих объяснений.

Певцов приказал Никольскому снять пиджак, закатать рукава рубашки и тщательно осмотрел его белые пухлые руки. Тот стоял ни жив ни мертв. Процедура казалась тем страшнее, что постичь ее смысл он не мог, а спрашивать не решался.

Не обнаружив следа зубов князя фон Аренсберга, Певцов отпустил мерзавца на все четыре стороны, но отправил следить за ним двоих жандармских филеров, одетых в партикулярное платье.

Со страху Никольский окончательно протрезвел, шел быстро. Филеры двигались за ним порознь по обеим сторонам улицы. Скоро вся троица бесследно растворилась в толпе на Литейном.

Глава 4

Новые персонажи

1

Пройдя квартал по Кирочной улице, Иван Дмитриевич остановился перед обшарпанной громадиной четырехэтажного доходного дома с зеленой лавкой внизу. Здесь, как утверждал княжеский кучер, проживала та особа, которая в списке Левицкого значилась под номером девятым и последним.

В дворницкой не составило труда выяснить, какую именно квартиру нанимают супруги Стрекаловы. Он поднялся на этаж, позвонил. Открыла горничная. Через минуту хозяйка вышла в переднюю, где Иван Дмитриевич ее дожидался, и, услышав его имя и должность, сказала:

- Приходите в другой раз. Мой муж в отъезде.
- Мне нужны вы, мадам, – ответил Иван Дмитриевич.

Прошли в гостиную. Жестом полководца, определяющего место для бивака, она указала ему на стул, а сама присела на пузатом турецком пуфике из цветного ватина, с неровными бахромчатыми фестонами. Это, видимо, было ее рукоделье.

На стене висела фотография – портрет унылого, щекастого, толстогубого мужчины в парадном мундире Межевого департамента. Под фотографией – две скрещенные сабли.

- В каких кампаниях участвовал ваш супруг? – вежливо осведомился Иван Дмитриевич.
- Ни в каких не участвовал.
- Отчего же сабли?

Не ответив, она сморщила нос, и эта ее гримаса, исполненная чисто женского, даже скорее девичьего презрения, была внятнее любых слов. Только сейчас Иван Дмитриевич оценил особую статью своей собеседницы. В ее мощной шее, в сильных, но пленительно вяло двигающихся руках, в прямой спине и маленькой голове с тугим пучком черных волос виделось нечто завершено-прочное, литое. Вместе с тем – ничего мужеподобного. Это была красота чугунной пушки, которая в русской грамматике недаром относится к женскому роду. Такая женщина, имеющая такого мужа, и впрямь могла полюбить князя фон Аренсберга, в прошлом – лихого кавалериста, героя сражений с итальянцами и альпийских походов.

– Я пересяду, – сказал Иван Дмитриевич, вставая со стула и усаживаясь в кресло спиной к портрету Стрекалова. – Разговор пойдет о таких вещах, что мне не хотелось бы видеть перед собой глаза вашего супруга...

- У меня мало времени, – перебила Стрекалова. – Я жду гостей к ужину.
- Гости сегодня не будет, – ответил Иван Дмитриевич.
- Что вы хотите этим сказать?
- Мадам, поймите меня правильно...

Он начал издалека, хотя оглушить нужно было сразу, с налету, и посмотреть... Но духу не хватало, чтобы сразу.

– Я никогда не подвергал сомнению право женщины свободно распоряжаться своими чувствами. Особенно если это не наносит ущерба браку. Но я не одобряю русских красавиц, отдающих сердца иностранцам. Это напоминает мне беспощинный вывоз драгоценностей за границу.

- Я не драгоценность, а вы не таможенник. Что вам от меня нужно?
- Видите ли...

– А, кажется, я догадываюсь. – Стрекалова облегченно засмеялась. – Господи, да успокойтесь вы! Мой муж ни о чем не подозревает. Да если бы даже и знал! Вы только поглядите на него.

Иван Дмитриевич мельком покосился на портрет.

– Нет, вы хорошенько поглядите! Ну что? Разве такой человек осмелится вызвать Людвига на дуэль? Вы боитесь дипломатического скандала, так ведь? Успокойтесь, господин сыщик, скандала не будет.

– Князь фон Аренсберг мертв, – тихо сказал Иван Дмитриевич. – Его убили сегодня ночью. В постели.

Горничная, видимо, подслушивала за дверью, потому что вбежала тут же. Вдвоем еле подняли Стрекалову и перетащили на диван. Она не подавала признаков жизни. С этим обмороком, беззвучным и бездонным, прежняя жизнь в ней кончилась; теперь должна была родиться и окрепнуть новая.

На вопрос, где хозяин, горничная ответила, что барин вчера и позавчера ночевал в Царском Селе, у него там дела по службе. Она, как клуша, с причитаниями металась вокруг бездыханно распростертой барыни, держа в одной руке стакан с водой, в другой – салфетку, и не решалась употребить в дело эти предметы. Иван Дмитриевич велел потереть виски и покурить под носом ароматной свечкой, если есть.

Якобы в поисках этой свечки он открыл дверцу буфета, увидел грошовой фаянсовые чашки, толстые тарелки с щербатыми краями и прищипленную к стенке бумажку с заговором от тараканов. Среди разнокалиберных, как приютские сироты, рюмок возвышалась ополовиненная бутылка мадеры с торчащим из нее прутиком. Зарубка на нем отмечала уровень вина, чтобы прислуга не пользовалась. Такой же прутик воткнут был в банку с вареньем, на нем Иван Дмитриевич заметил пять или шесть зарубок. Видимо, после редких вальтасаровых пиршеств, когда супруги накладывали себе по целой розетке вишневого или крыжовенного варенья, хозяин брал ножик и отмечал на мерке, сколько еще осталось. Дверцы буфета скрипели, как двери у того ростовщика, дабы и ночью слышно было, если горничная захочет украсть спрятанные там сокровища.

Иван Дмитриевич закрыл буфет и еще раз оглядел комнату. Дешевые бумажные обои со следами кошачьих когтей, ветхий диван в клопных пятнах, засаленное кресло времен Крымской войны, самодельный пуфик. Обстановка рублей на пятьсот годового жалованья. И конечно, кенар у окошка. Платок с клетки откинут, поет птица, томит душу вечной тоской по иной жизни.

С кухни волнами наплывал отвратительный запах жаренного на жиру лука. Горничная, разумеется, еще и кухарила.

Возобновлять разговор не имело смысла, однако Иван Дмитриевич счел возможным покинуть квартиру лишь после того, как Стрекалова вновь открыла глаза. Она молча смотрела в одну точку на давно не беленном потолке – туда, где трещины на штукатурке змеились, как плюмаж кирасирского шлема. «Князь раньше служил в кирасирах», – вспомнил Иван Дмитриевич.

На улице он кликнул извозчика и поехал на Фонтанку, к Шувалову. Давно пора было доложить о ходе расследования. Но что докладывать? Что эта женщина любила князя и обморок настоящий? Что кенар в клетке поет о любви?

Извозчик, узнав начальника сыскной полиции, осторожно спросил:

– Война-то будет?

– С кем?

– Не знаю. Говорят, всем офицерам велено из отпусков по своим полкам ехать. Верно, нет?

– Еще что говорят? – заинтересовался Иван Дмитриевич.

– Разное болтают. Я, к примеру, слыхал, будто турецкому посланнику в дом живую свинью запустили. По ихнему басурманскому закону этой обиды хуже нет. Сказывают, монах какой-то в мешке ее принес и пустил через окна в комнаты. Посол сразу – в Зимний, к государю, а тот ему монаха не выдал, велел спрятать в надежном месте. Знать, говорит, ничего не знаю...

Когда остановились на углу, пропуская чью-то карету, Иван Дмитриевич услышал, как в открытых окнах первого этажа настенные часы пробили семь раз.

Еще совсем светло было на улице – конец апреля, ночи почти белые под безоблачным небом, – но распорядок жизни великого города не мог подчиняться капризной игре света в поднебесье. Пробило семь, и по сигналу с башни Городской Думы начала выступать на улицах бледная сыпь газовых фонарей.

– Я так понимаю, – говорил извозчик, – что раз монаха не выдали, война будет с турками.

Еще утром все эти дикие слухи текли сами по себе, а теперь они сливались в одном русле с подозрениями Певцова.

2

Шувалов сидел у себя в кабинете, сочиняя очередной доклад государю. Если бы тот читал их с тем же напряжением, с каким они писались, эти доклады должны были стать для него изощреннейшей пыткой. Так китайцы капают преступнику воду на выбритое темя: человек сходит с ума от ожидания следующей капли.

– Слава богу, на сегодня это последний, – сказал Шувалов, вручая дежурному офицеру свой опус, – государь соизволил заменить ежечасные доклады на ежедневные. Следующий – завтра в полдень. Надеюсь, к тому времени нам будет что ему сообщить.

– Почему именно в полдень? – спросил Иван Дмитриевич. – Нельзя ли попозже?

– Нельзя. Таков распорядок, а распорядок должен висеть над нами, как дамоклов меч. Без распорядка в России не может быть и порядка.

В кабинете у Шувалова имелось трое часов: настенные, настольные и напольные. Иван Дмитриевич отметил, что все они показывают разное время.

– Не уверен, – потягиваясь в кресле, проговорил Шувалов, – что государь многое почерпнет из моих докладов, но лично мне они сослужили хорошую службу. Я глубже вник в суть этого дела и понял, что Певцов прав: убийство было тщательно подготовлено. Нужно найти в себе мужество признать, что князь пал жертвой чьей-то хитроумной интриги.

Выслушав рассказ о сонетке в княжеской спальне и о визите Ивана Дмитриевича на Кирочную, он начал сердиться:

– Любовь, ревность, оскорбленное самолюбие – все эти мелкие житейские страстишки, с которыми вы, полицейские, привыкли иметь дело, здесь не в состоянии ничего объяснить. Вы расследуете преступление государственной важности, и подходить к нему нужно с другими мерками.

– Ваше сиятельство, я всего лишь хочу сказать, что фон Аренсберга убил человек, бывавший прежде у него в спальне и знавший про сонетку, – оправдался Иван Дмитриевич. – Она и так-то почти незаметна, тем более в темноте. Тому, кто попал в спальню впервые, просто в голову бы не пришло переворачивать князя ногами к изголовью.

– Допускаю, хотя всё могло произойти случайно, в пылу борьбы. Но что вы прицепились к этой Стрекаловой? Не сама же она связала своего любовника по рукам и ногам и задушила подушками? Зачем?

– А муж? – напомнил Иван Дмитриевич.

– Что – муж?

– Он мог убить из ревности.

– Но ему-то откуда было известно про сонетку? Или, по-вашему, он сам приводил собственную жену в спальню к любовнику?

– Он мог разузнать как-нибудь иначе.

– Как?

– Еще не знаю.

– Тьфу ты! – чертыхнулся Шувалов. – Что за испанские страсти бушуют в вашем воображении? Мы не в Севилье.

– Недавно я читал статью в медицинском журнале, – сказал Иван Дмитриевич. – Автор доказывает, что в Петербурге девочки созревают раньше, чем в Берлине и в Лондоне. Примерно в одном возрасте с итальянками.

– Это вы к чему?

– К вопросу о темпераменте русского человека.

– Вы думаете, – примирительно сказал Шувалов, – мне не хочется верить, что князя придушил муж-рогоносец, ревнивая любовница или его же собственный лакей, польстившийся на серебряный портсигар? Очень хочется. Но не могу я в это поверить, поймите! Так запросто не убивают иностранных дипломатов, в России – тем более.

– Виноват, ваше сиятельство, кого же подозреваете вы?

– В чем и штука, что никого конкретно. Разве что агентов какого-нибудь подпольного польского Жонда, если таковой существует.

– Поляки-то тут при чем?

– Перед тем как отправиться в Ломбардию, на войну с Виктором Эммануилом и Наполеоном Третьим, кавалерийская дивизия, которой командовал фон Аренсберг, была расквартирована в Кракове. Возможно, он чем-нибудь насолил полякам, а они люди мстительные. Краков принадлежит австрийцам, и, между прочим, там же, в Галиции, начинал когда-то службу граф Хотек.

– По фамилии судя, он – чех, – заметил Иван Дмитриевич.

– Неважно, слуги империи не имеют национальности. А на мысль о поляках меня навел тот факт, что на Хотека сегодня тоже было совершено покушение. Он едва не погиб.

– Ну, это вряд ли. Трудно так зашвырнуть камень в окно кареты, чтобы убить человека.

– Откуда вы знаете? – удивился Шувалов. – Кто вам об этом рассказал?

– Никто. Слух прошел, – уклончиво ответил Иван Дмитриевич.

– Поразительно! Все знают всё и даже больше того, что есть на самом деле. Хотеку, например, какой-то провокатор сообщил, будто убийцу к фон Аренсбергу подослали мы.

– Кто – мы? Вы?

– Да, мы. Жандармы. Представляете?

– А причина?

– Князь якобы связан был с австрийскими и французскими журналистами, снабжал их всякого рода измышлениями о тайных замыслах нашего правительства. Клеветническими, разумеется.

– Действительно снабжал и был связан?

– Не исключаю, но сейчас меня больше заботит другое. Кто-то, похоже, любыми путями стремится подорвать доверие государя к Корпусу жандармов и ко мне лично.

Иван Дмитриевич слушал, а на языке вертелся один вопрос: кто следил за домом фон Аренсберга? Спросить или не стоит? Нет, лучше не спрашивать. Певцов об этом говорить отказался, сославшись на государственную тайну, и невольно возникало чувство, что он, Иван Дмитриевич, сел за стол с игроками, которые заранее распределили между собой выигрыш и проигрыш. В такой ситуации самое разумное – играть по маленькой, не высовываться, если уж нельзя вовсе бросить карты на стол и выйти вон.

– Хотек ведет себя вызывающе, – говорил Шувалов. – Мне он не доверяет, угрожает поставить вопрос о том, чтобы к расследованию были допущены представители австрийской жандармерии. Я вынужден был довольно резко заявить ему, что этого не позволяет честь России.

– Правильно, ваше сиятельство! – горячо одобрил Иван Дмитриевич, вдруг осознав, что честь России, которая никогда не была предметом его насущных забот, зависит от того, насколько быстро сумеет он найти убийцу фон Аренсберга.

– И это еще не всё, – пожаловался Шувалов. – Хотек предъявил нам требование поставить вне закона деятельность «Славянского комитета» и намекал, что при отказе возможны серьезные дипломатические осложнения между нашими державами.

– Чем это грозит? Войной? – встревожился Иван Дмитриевич.

– Ну, пока что маловероятно, хотя в более отдаленной перспективе всё может быть. В Вене есть влиятельные околоправительственные круги, готовые использовать инцидент в Миллионной для раздувания антирусской истерии. Во что она выльется, одному Богу известно.

Как всегда в минуты волнения, Иван Дмитриевич начал заплетать в косичку правую бакенбарду. Жена тщетно пыталась отучить его от этой безобразной, по ее мнению, привычки.

Он ничего не понимал, однако мысль о сонетке немного успокаивала. Стоило потянуть за нее – и весь этот чудовищный бред расплзался, как костюм Арлекина.

Такой костюм Иван Дмитриевич давным-давно видел в ярмарочном балагане на Каменном острове. Он тогда должен был выследить, арестовать и выпроводить из Петербурга могилевского еврея по фамилии Лазерштейн, площадного актеришку, который креститься не желал, но лицедействовать хотел не в Могилеве, а в столице, чтобы, видите ли, зарабатывать побольше. Давали итальянский фарс, Лазерштейн играл Арлекина. По ходу спектакля он царил на сцене, потешал публику, помыкал беднягой Пьеро, – пока тот, доведенный до отчаяния, не отыскал в костюме своего мучителя неприметную нитку и не дернул за нее. Тут же весь костюм Арлекина, виртуозно сметанный из лоскутов одной-единственной ниткой, развалился на куски; под хохот зрителей среди вороха разноцветного тряпья остался стоять тощий, как скелет, голый Лазерштейн со своим едва прикрытым обрезанным срамом.

Шувалов встал и прошелся по кабинету из угла в угол.

– Возможно, я слишком устал сегодня, но у меня возникает странное ощущение...

Он страдальчески потер пальцами виски.

– Мне кажется...

И опять пауза.

– Что, ваше сиятельство? – напрягся Иван Дмитриевич, кожей чувствуя, что сейчас будет сказано самое главное.

– Мне кажется, – выговорил наконец Шувалов, – что слухи о смерти фон Аренсберга начали распространяться еще *до того*, как он был убит.

3

Выходя на Фонтанку, Иван Дмитриевич ощутил сильное желание немедленно выпить рюмку водки. Он завернул в ближайший трактир, сел за столик. Хозяин заведения мгновенно узнал почетного гостя – и сам подскочил к нему вместо полового.

– Рюмку водки и грибочков соленых, – коротко распорядился Иван Дмитриевич, разглядывая изображенную на стене Цереру с рогом изобилия.

Она веером рассыпала перед собой какие-то фантастические южные плоды, которые никогда не водились в этом третьеразрядном трактире, где величайшим деликатесом почи-

тался моченый горошек. Церера зазывно улыбалась посетителям, каждая грудь у нее была, наверное, фунтов по шести.

На стоявшем в углу бильярде игроки и двух шаров разыграть не успели, как заказ уже был доставлен.

– Что, Иван Дмитриевич, притомились? – участливо спросил трактирщик, сгружая на столик соленые грибочки, из уважения к гостю положенные в фарфоровую сахарницу. – Ну да Бог милостив. Сыщете злодеев – так австрийский император вас орденом пожалует.

– И ты знаешь? – печально поглядел на него Иван Дмитриевич.

– Мы не хуже других. Как все, так и мы.

– И про свинью слышал?

– То уж сегодня. А что князя ухлопали, это я еще вчера знал.

– Что-о? – поразился Иван Дмитриевич.

– У нас место бойкое, я все новости первый узнаю, – похвалился трактирщик. – Ну, после вас, конечно.

– Ты чего мелешь? Как так вчера? Сегодня ночью его убили.

– Я политику понимаю, – согласился трактирщик. – Пушай народ думает, что сегодня. А то языки чесать станут: полиция, мол, спит, мышей не гоняет...

– Погоди. Кто тебе сказал, что вчера?

– Вечером сидели двое, промеж себя толковали. Вон там, в углу. Я и подслушал. Каюк, говорят, князю Анцбурху.

– Вчера вечером? – беспомощно переспросил Иван Дмитриевич.

– От меня, Иван Дмитрич, ни одна душа не узнает. Молчок! Я политику понимаю! Но уж вы когда орден получите, на банкет – милости прошу к нам. Во всю залу столы накрою! У меня стерлядки – камские, вина – прямо из Франции, в бутылках выписываем, – вдохновенно врал трактирщик.

Иван Дмитриевич опрокинул стопку, задумчиво подцепил вилкой грибочек.

Шувалов сказал, что слухи о смерти князя поползли раньше самой смерти. Теперь это предположение вовсе не казалось бредовым, но в итоге наплывал совсем уж невыносимый бред. Что же получается? Князь играл в карты и пил вино в Яхт-клубе, ехал на извозчике, ложился спать, – а сам уже был мертв, и многие в городе об этом знали.

Еще днем Константинов разыскал того извозчика, который отвозил князя домой. Выяснилось, что от клуба отъехали в три часа утра, а в Миллионную прибыли чуть не к четырем, потому что лошадь была сама не своя, упрячилась, ржала, будто пугалась чего-то, – вот и добирались целый час. Выходит, и лошадь догадывалась, что везет мертвеца?

Тем не менее, в заговорщиков по-прежнему не верилось. Раб опыта, Иван Дмитриевич слишком хорошо знал, что самые коварные заговорщики – это случайность и страсть.

– Нет, – ответил он на вопрос трактирщика, налить ли еще, и опустил наконец замершую в воздухе руку с пустой рюмкой. – Сколько с меня?

– Нисколько. Вот когда вас орденом наградят, пожалуйста к нам. Отпразднуем, и к тому, что ваши гости съедят и выпьют, я заодно эту рюмочку причту.

– Нисколько так нисколько, – не стал спорить Иван Дмитриевич. – А хороши у тебя груз-дочки! – похвалил он, цепляя вилкой еще грибок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.